

Карл Густав Юнг

Трансцендентальная функция

Предварительное замечание

Это эссе было написано в 1916 г. Недавно его обнаружили студенты цюрихского Института Юнга и оно было издано в частном порядке в своей первоначальной, сырой форме, в переводе на английский язык. Чтобы подготовить рукопись к публикации, я ее переработал, сохранив при этом основные мысли и неизбежную ограниченность. По прошествии сорока двух лет эта проблема совершенно не утратила актуальности, хотя ее изложение по-прежнему нуждается в серьезных исправлениях, о чем знает каждый, кто знаком с материалом. А посему данное эссе, со всеми его несовершенствами, может представлять из себя исторический документ. Оно может дать читателю определенное представление о тех умственных усилиях, которые были необходимы при первых попытках синтетического подхода к психическим процессам в ходе психоанализа. Поскольку основное из содержащихся в этом эссе доказательств не утратило своей актуальности и сегодня, то оно может стимулировать читателя к более глубокому и широкому пониманию этой проблемы. Проблема эта тождественна имеющему всемирное значение вопросу: "Что конкретно должен сделать человек, чтобы урегулировать свои отношения с бессознательным?"

Этим вопросом задаются индийская философия и, в особенности, буддизм и дзен-буддизм. А на самом деле, в той или иной форме, это вопрос является фундаментальным вопросом любой религии и философии. Ибо бессознательное - это не какая-то там конкретная вещь; оно - это имеющее к нам непосредственное отношение Неведомое.

Известный читателю метод "активного воображения" является наиболее эффективным способом выведения на поверхность того содержимого бессознательного, которое располагается сразу же за порогом сознания и, будучи подвергнуто активизации, как правило спонтанно врывается в осознающий разум. Стало быть, этот способ связан с определенным риском и, по возможности, не должен применяться без надзора со стороны опытного человека. Одной из наименее опасных, но и с маловероятным положительным результатом является процедура, которая легко сводится к так называемым "свободным ассоциациям" Фрейда, где пациент попадает в стерильное окружение собственных комплексов, из которого ему уже никак не вырваться. Следующая опасность, сама по себе безобидная, заключается в том, что на поверхность может подняться подлинное содержимое бессознательного, но пациент может проявить к нему исключительно эстетический интерес и, в результате, остаться во всепоглощающей фантазмагории, что опять же не даст никакого положительного результата. Смысл и значение этих фантазий проявляются только в ходе их интеграции в личность, как целое - то есть в тот момент, когда человек задумывается не только над тем, что они значат, но и над их нравственными требованиями. И наконец, третья опасность - в определенных обстоятельствах она может быть очень серьезной - состоит в том, что содержимое бессознательного уже обладает таким сильным энергетическим зарядом, что, будучи высвобожденным с помощью активного воображения, оно может подавить осознающий разум и овладеть личностью. Это дает толчок к возникновению состояния, которое - по крайней мере временно - очень трудно не спутать с шизофренией, и которое может даже привести к подлинному "психотическому интервалу". Вот поэтому метод активного воображения — это не детская игрушка. При изначальной недооценке бессознательного риск становится еще больше. С Другой стороны, значение этот метода для психотерапевта трудно переоценить.

К. Г. Юнг. Кунишахт, июль 1958/сентябрь 1959 гг.

В термине "трансцендентальная функция" нет ничего таинственного или метафизического. Под ним следует понимать психологическую функцию, которую в определенном смысле можно сравнить с математической функцией того же названия, являющуюся функцией реальных и воображаемых чисел. Психологическая "трансцендентальная функция" возникает из соединения содержимого бессознательного с содержимым сознания.

Опыт аналитической психологии красноречиво свидетельствует о том, что сознание и бессознательное редко приходят к согласию касательно своих содержимых и их тенденций. Это отсутствие параллельности не просто случайно или непреднамеренно, оно объясняется тем фактом, что бессознательное стремится компенсировать или дополнить сознание. Мы можем перевернуть эту формулу и сказать, что это сознание дополняет бессознательное. Эти отношения объясняются следующими причинами:

(1) Сознание обладает порогом интенсивности, которого его содержания должны были достичь, поэтому все слишком слабые элементы остаются в бессознательном.

(2) Сознание, в силу своих направленных функций, навязывает ограничения (которые Фрейд назвал цензурой) всему несовместимому с ним материалу, в результате чего этот материал тонет в бессознательном.

(3) Сознание организует моментальный процесс адаптации, в то время как бессознательное содержит в себе не только забытый индивидом материал его прошлого, но и все наследственные черты поведения, составляющие структуру разума.

(4) Бессознательное содержит все комбинации фантазий, которые еще не достигли порога интенсивности, но которые с течением времени и при благоприятных обстоятельствах проникнут в сознание.

Этого достаточно, чтобы понять, почему бессознательное дополняет сознание.

Конкретность и направленность осознающего разума являются качествами, которые человеческая раса обрела сравнительно недавно, и которые, например, отсутствуют у большей части существующих и в наши дни примитивных народов. Эти качества, зачастую, очень ослаблены у пациента-невротика, который отличается от нормального человека большей подвижностью порога своего сознания; иными словами, у него перегородка между сознанием и бессознательным отличается большей проницаемостью. С другой стороны, больной психозом находится под прямым воздействием бессознательного.

Конкретность и направленность осознающего разума являются чрезвычайно важными приобретениями, за которые человечество заплатило очень высокую цену, и которые, в свою очередь, сослужили ему большую службу. Без этих качеств были бы невозможны наука, технология и цивилизация, поскольку все они предполагают непрерывность и направленность идущих в сознании процессов. Эти качества абсолютно необходимы как государственному деятелю, врачу и инженеру, так и простому рабочему. Вообще мы можем сказать, что индивид становится бесполезным для общества в той степени, в какой эти качества ослаблены бессознательным. Разумеется, великие художники и прочие творчески одаренные люди являются исключением из этого правила. Преимущество таких индивидов как раз и заключается в проницаемости перегородки, разделяющей сознание и бессознательное. Но эти исключительные человеческие сущности мало пригодны в профессиях и видах общественной деятельности, требующих постоянства и надежности.

Стало быть, максимально возможные стабильность и конкретность психического процесса оправданы и даже необходимы, ибо того требуют суровые законы жизни. Но здесь имеется и определенный недостаток: в силу своей направленности сознание отторгает или исключает все те психические элементы, которые представляются ему несовместимыми с ним или действительно являются таковыми, то есть склонными менять направленность к своей выгоде и тем самым вести сознание к нежелательной цели. Но откуда нам знать, что данный психический материал является "несовместимым"? Мы

делаем такой вывод на основании решения, вынесенного здравым смыслом, который определяет желательное направление. Здравый смысл страдает ограниченностью и предубежденностью, поскольку он отдает предпочтение одной конкретной возможности за счет всех остальных. В свою очередь, здравый смысл всегда основывается на опыте, то есть на том, что уже известно. Как правило, он не опирается на что-то новое, еще неизведанное, что, при определенных условиях, могло бы значительно обогатить направленный процесс. Такого быть просто не может по той самой причине, что содержимое бессознательного исключено из сознания.

В результате подобных действий здравого смысла направленный процесс неизбежно становится однобоким, даже если рациональные мысли могут казаться многогранными и непредубежденными. Сама рациональность здравого смысла может быть самым худшим из предубеждений, поскольку мы называем разумным то, что нам таковым кажется. Стало быть, то, что нам представляется неразумным, обречено на изгнание по причине своего иррационального характера. Оно на самом деле может быть иррациональным, но с таким же успехом оно может только казаться таковым, поскольку воспринимается с определенной точки зрения.

Однобокость есть неизбежная и необходимая характерная черта направленного процесса, поскольку направленность предполагает однобокость. Она является одновременно и преимуществом, и недостатком. Даже когда недостаток внешне никак не проявляется, в бессознательном все равно присутствует равносильная контр-позиция, если, конечно, мы не имеем дело с идеальным случаем, когда все психические компоненты стремятся в одном и том же направлении. Теоретическая вероятность такого варианта не подлежит сомнению, но на практике - это большая редкость. Контр-позиция в бессознательном не представляет собой опасности до тех пор, пока не получает сильный энергетический заряд. Но если, вследствие слишком сильной однобокости, напряжение увеличивается, контр-тенденция врывается в сознание, как правило в тот момент, когда сознанию особенно важно не сбиться с выбранного им направления. Например, оратор оговаривается именно тогда, когда особо опасается сказать какую-нибудь глупость. Такой момент является критическим, потому что ему свойственно высокое напряжение, которое, при уже заряженном бессознательном, легко может привести к "возгоранию" и высвободить содержимое бессознательного.

Сегодняшняя цивилизованная жизнь требует сконцентрированного, направленного функционирования сознания, а это влечет за собой опасность сильной разобщенности с бессознательным. Чем дальше посредством направленного функционирования мы сможем отойти от бессознательного, тем активнее будет становится таящаяся в нем мощная контр-позиция, и ее прорыв может иметь очень нежелательные последствия.

Анализ дал нам возможность глубоко изучить воздействие бессознательного и узнанное нами имеет такое значение для нашей повседневной жизни, что, по нашему мнению, неразумно рассчитывать на исключение или бездействие бессознательного после так называемого завершения лечения. Многие пациенты, смутно понимая это положение вещей, никак не могут решиться на отказ от анализа, хотя и они сами, и аналитик, находят это ощущение зависимости утомительным. Зачастую пациенты боятся идти дальше самостоятельно, потому что они по опыту знают, что бессознательное может снова и снова совершенно неожиданно и страшно вмешаться в их жизнь.

Раньше предполагали, что пациенты смогут вести нормальную жизнь, как только они приобретут достаточно практических знаний о самих себе, чтобы понимать свои сновидения. Однако, практика показала, что даже профессиональные аналитики, которые, по идее, должны в совершенстве владеть искусством толкования сновидений, зачастую капитулируют перед своими собственными сновидениями и должны обращаться за помощью к коллегам. Если даже тот, кому положено быть экспертом по этому методу, оказывается неспособным дать удовлетворительное толкование своих сновидений, то чего тогда можно ожидать от пациента. Надежды Фрейда на то, что бессознательное может

"истощиться", не оправдались. Жизнь сновидений и вторжения из бессознательного - *mutatis mutandis* (Сообразно с обстановкой, обстоятельствами (лат.) — Прим, ред.) - идут своим чередом.

Существует широко распространенное заблуждение, что анализ - это что-то вроде "курса лечения", по прохождении которого человек выздоравливает. Это дилетантское отношение сохранилось с самых первых дней существования психоанализа. Психоанализ можно определить как приведение в порядок психологического состояния с помощью врача. Естественно, это заново обретенное состояние, которое лучше подходит к внутренним и внешним условиям, может продолжаться в течение долгого времени, но случаи, когда одного "курса лечения" оказалось достаточно, являются редкостью. Да, медики никогда не стеснялись рекламировать свой оптимизм и всегда были готовы сообщить об изобретении надежных лекарств. Нас, однако, не должно обманывать слишком человеческое отношение практикующего врача, и мы должны всегда помнить, что жизнь бессознательного продолжается и постоянно порождает проблематические ситуации. Не следует впадать в пессимизм; мы видели достаточно прекрасных результатов, достигнутых благодаря везению и упорному труду. Но это не мешает нам признать, что анализ не является "панацеей"; он, прежде всего, является более или менее тщательным наведением порядка. Нет таких перемен, которые давали бы результаты в течение длительного периода времени. Жизнь всегда будет ставить новые задачи. Разумеется, существуют определенные очень живучие коллективные установки, которые позволяют решать типичные конфликты. Коллективная установка дает индивиду возможность безболезненно устроиться в обществе, поскольку она воздействует на него, как и любое другое условие жизни. Но проблема пациента как раз в том и состоит, что он не может безболезненно для себя подстроиться под коллективную норму; требуется решение индивидуального конфликта, чтобы личность в целом осталась жизнеспособной. И здесь не годится любое рациональное решение, и не существует такой коллективной нормы, которая могла бы безо всякого ущерба заменить индивидуальное решение.

Обретенная в ходе анализа новая установка имеет тенденцию рано или поздно неизбежно становится неадекватной, потому что непрерывное течение жизни постоянно требует адаптации. Адаптироваться раз и навсегда невозможно. Разумеется, пациент может потребовать от аналитика, чтобы тот подготовил его к безболезненной смене направления на последующих этапах его жизни. И опыт показывает, что такое требование вполне оправданно. Мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что прошедшие через тщательный анализ пациенты более свободно вносят изменения в свою последующую жизнь. Тем не менее, трудности в этом деле также встречаются довольно часто и могут причинять настоящие неприятности. Вот почему пациенты, даже прошедшие через тщательный анализ, часто по прошествии определенного времени снова обращаются за помощью к своему аналитику. В свете медицинской практики в этом нет ничего необычного, но такое положение вещей противоречит несколько ошибочному энтузиазму терапевта, а так же представлению об анализе, как о "панацее". По большому счету, надежды на появление формы терапии, которая раз и навсегда избавит человека от всех его трудностей, практически нет. Человеку нужны трудности; они необходимы для его здоровья. Нас волнуют только излишние проблемы.

Основная задача терапевта заключается не в том, чтобы избавить пациента от сиюминутных трудностей, а в том, чтобы подготовить его к успешной борьбе с будущими трудностями. Вопрос заключается в следующем: какую умственную и нравственную позицию следует занять по отношению к беспокоящему нас воздействию бессознательного, и каким образом донести эту установку до пациента?

На этот вопрос может быть только один ответ: освободиться от перегородки между сознанием и бессознательным. Этого нельзя достичь односторонним осуждением содержимого бессознательного, наоборот, следует признать его значение для компенсации односторонности сознания и учитывать это значение. Тенденции сознания и

бессознательного являются двумя факторами, соединение которых и составляет трансцендентальную функцию. Она называется "трансцендентальной" потому, что делает переход от одной установки к другой органически возможным, без утраты бессознательного. Конструктивный или синтетический метод лечения предполагает прозрение, которое, по крайней мере потенциально, присутствует в пациенте и потому может быть доведено до сознания. Если аналитик ничего не знает об этих потенциальных возможностях пациента, то он не может помочь ему в их развитии, если только аналитик и пациент вместе не провели соответствующее научное исследование этой проблемы, о чем, как правило, не может быть и речи.

Стало быть, на практике, соответствующим образом подготовленный аналитик является для пациента трансцендентальной функцией, то есть помогает ему свести бессознательное и сознание вместе и таким образом обрести новую установку. В этой функции аналитика содержится одно из многих важных значений *переноса*. С помощью переноса пациент цепляется за особу, в которой он видит надежду на обновление установки;

именно в переносе он ищет желаемых перемен, которые имеют для него жизненно важное значение, даже если этот процесс он совершает неосознанно. Итак, для пациента аналитик является незаменимым человеком, совершенно необходимым для продолжения жизни. Какой бы детской не казалась эта зависимость, она выражает чрезвычайно важную потребность, неудовлетворение которой зачастую приводит к возникновению жгучей ненависти к аналитику. Стало быть, чрезвычайно важно знать, на что направлено это скрытое в переносе требование; имеет место тенденция воспринимать его снисходительно, как воспринимается эротическая фантазия подростка. Но это означает буквальное понимание этой, обычно относящейся к родителям, фантазии, словно пациент или, скорее, его бессознательное, по-прежнему питает какие-то детские ожидания по отношению к своим родителям. Внешне - это та же самая надежда ребенка на помощь и защиту со стороны родителей, но за это время ребенок уже стал взрослым, а то, что нормально для ребенка, взрослому не к лицу. Это стало метафорическим выражением неосознанно ощущаемой потребности в помощи в минуты кризиса. С исторической точки зрения, эротический характер переноса будет правильно объяснить категориями детского "эроса". Но таким способом нельзя понять смысл и цель переноса, а его толкование, как детской сексуальной фантазии, уводит от реальной проблемы. Понимание переноса следует искать не в историческом прошлом, а в его цели. Однобокое снисходительное объяснение, в конце концов, становится бессмысленным, в особенности, если оно не дает ничего нового, за исключением растущего сопротивления со стороны пациента. Скука, которой начинает веять от анализа, просто является выражением монотонности и нищеты идей - но не бессознательного, как предполагают некоторые - а аналитика, который не понимает, что эти фантазии следует понимать не в буквально-редуцированном, а в конструктивном смысле. Когда аналитик это осознает, то застой зачастую преодолевается одним рывком.

Конструктивное отношение к бессознательному, то есть вопрос смысла и цели, прокладывает путь к погружению пациента в процесс, который я называю трансцендентальной функцией.

Здесь, пожалуй, будет нелишне сказать несколько слов о часто звучащем возражении, будто конструктивный метод - это просто "внушение". Нет, этот метод основан не на *семиотической* оценке символа (то есть, фантазии или образа из сновидения), как признака элементарного инстинктивного процесса, а на его символическом, в истинном смысле этого слова, понимании, когда под словом "символ" понимается наилучшее из всех возможных выражение какого-то сложного факта, еще не до конца воспринятого сознанием. С помощью редуцирующего анализа этого выражения можно добиться только более четкого понимания изначально составляющих его элементов, и хотя я не отрицаю преимуществ более глубокого понимания этих элементов, оно, тем не менее, не включает

в себя вопрос цели. А потому разложение символа на составные части на этой стадии анализа является ошибкой. Однако, в самом начале метод разработки сложного значения символа в точности напоминает редуцирующий анализ. Аналитик выясняет ассоциации пациента и, как правило, их достаточно много для использования в синтетическом методе. И снова они оцениваются не семиотически, а символически. Мы должны задать следующий вопрос: о чем говорят индивидуальные ассоциации А, Б и В, когда они рассматриваются в комплексе с проявившимся содержанием сновидения?

Незамужней пациентке приснилось, что *кто-то дал ей чудесный, богато украшенный, древний меч, выкопанный из кургана.* (Толкование смотри ниже.)

В этом случае аналитику не требовалось никаких дополнительных аналогий. Ассоциаций пациента было вполне достаточно. Нам могут возразить, что такой анализ сновидения включает в себя внушение. Но при этом игнорируется факт, что внушение действует только при наличии внутренней к нему готовности, в противном случае его можно навязать только с помощью большой настойчивости и только на какое-то мгновение. Внушение, которое действует в течение хоть сколько-нибудь продолжительного периода времени, предполагает заранее обозначенную психологическую готовность, которую так называемое внушение просто вводит в игру. Поэтому это возражение необдуманно и приписывает внушению магическую силу, которой оно ни в коей мере не обладает, ибо если бы это было так, то внушающая терапия была бы невероятно эффективной, а в аналитических процедурах не было бы никакой нужды. Но дела обстоят далеко не так. Более того, когда нас обвиняют во внушении, то не отдают себе отчета в том факте, что сами ассоциации пациентки указывают на культурное значение меча.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЯ

Ассоциации:

Сверкающий на солнце кортик ее *отца* который он однажды показал ей. Тогда это произвело на нее большое впечатление. Ее отец был во всех отношениях энергичным, волевым, порывистым человеком, большим любителем любовных приключений. *Кельтский* бронзовый меч - пациентка гордится своим кельтским происхождением. Кельты - народ страстный, темпераментный, порывистый. Орнамент выглядит очень загадочно - руны, знаки древней мудрости, древние цивилизации, наследие человечества, поднятое из могилы на свет.

Аналитическое толкование:

Пациентка обладает ярко выраженным комплексом отца и связанными с рано ушедшим из жизни отцом богатыми с сексуальными фантазиями. Она всегда ставит себя на место своей матери, хотя и с сильным неприятием отца. Она никогда не могла принять человека, подобного ее отцу и потому против своей воли выбирала слабых, невротичных . мужчин. Из этого можно сделать вывод о яростном сопротивлении отцу-врачу. Сновидение подняло на поверхность ее желание заполучить "оружие" отца. С остальным все ясно. По идее, этот сон должен прямо указывать на фаллическую фантазию.

Конструктивное толкование:

Похоже на то, что пациентка нуждалась в таком оружии. Ее отец оружием обладал. Он был энергичным человеком, вел соответствующий образ жизни и боролся с вытекающими из своего темперамента трудностями . Стало быть, несмотря на свою страстную, беспокойную жизнь, он не был невротиком. Это оружие является очень древним наследием человечества, которое было погребено в . пациентке и было поднято на свет в результате раскопок (анализа). Оружие связано с озарением, с мудростью. Оно означает нападение и защиту. Оружием ее отца была страстная, негибкая воля, с помощью которой он и проложил свой жизненный путь. Вплоть до настоящего момента пациентка во всех отношениях была его полной противоположностью.

Сейчас она находится на пороге осознания того, что человек должен проявлять волю, а не просто покоряться судьбе, во что она до сих пор верила. Воля основывается на знании

жизни и на понимании древнего наследия человеческой расы, которое содержится также и в ней, но до сего момента было погребено, поскольку и в этом смысле она тоже является дочерью своего отца. Но до сих пор она этого не понимала, потому что по характеру была постоянно жалующимся, избалованным, распущенным ребенком. Она была совершенно пассивна и полностью погружена в свои сексуальные фантазии.

После этого отступления вернемся к вопросу о трансцендентальной функции. Мы уже увидели, что во время лечения трансцендентальная функция является, в определенном смысле, "искусственным" продуктом, потому что по большей части она поддерживается аналитиком. Но если пациент уверенно стоит на ногах, то ему не нужно постоянно полагаться на внешнюю помощь. Толкование сновидений было бы идеальным методом для синтеза содержимого сознания и бессознательного, но на практике анализ своих собственных сновидений является чрезвычайно трудным делом.

Сейчас мы должны выяснить, что требуется для создания трансцендентальной функции. Прежде всего, нам нужен материал из бессознательного. Наиболее доступным выражением происходящих в бессознательном процессов, несомненно, являются сновидения. Сновидение представляет собой, так сказать, чистый продукт бессознательного. Нельзя отрицать того, что в ходе приближения к сознанию сновидение изменяется, но эти изменения могут быть восприняты как несущественные, поскольку они тоже происходят в бессознательном и не являются преднамеренными. Возможные модификации первоначального образа-сновидения происходят в самом верхнем слое бессознательного и потому тоже содержат ценный материал. Они являются побочным, следующим за основным сновидением, продуктом фантазии. То же самое можно сказать и о последующих образах и идеях, которые часто возникают во время дремы или неожиданно всплывают в момент пробуждения. Поскольку сновидение рождается во сне, оно обладает всеми характеристиками *abaissement du niveau mental* (Понижение ментального уровня (фр.) — Прим. ред.) (Жане), или низкого напряжения: логической прерывистостью, фрагментарностью, формациями аналогий, поверхностными ассоциациями словесного, звукового или визуального типа, сжатостью, иррациональными выражениями, запутанностью и т. п. С увеличением напряжения сновидения приобретают более упорядоченный характер; они приобретают драматургию, их связь с сознанием становится более четкой, валентность ассоциаций увеличивается.

Поскольку во сне напряжение, как правило, очень низкое, то сновидения, по сравнению с материалом сознания, являются примитивными выражениями содержимого бессознательного и их очень трудно понять с конструктивной точки зрения, зато, как правило, легче подвергнуть редуцирующему анализу. В общем, сновидения не годятся или малопригодны для развития трансцендентальной функции, потому что они предъявляют объекту слишком большие требования.

Итак, нам следует искать другие источники бессознательного материала. Таковыми, например, являются вторжения бессознательного в бодрствующее сознание, идеи, приходящие "как гром с ясного неба", провалы, ошибки и заблуждения памяти, симптоматические действия и т. п. Этот материал, как правило, больше пригоден для метода редукции, чем для конструктивного анализа; он тоже слишком фрагментарен, и прерывист, а для осмысленного синтеза непрерывность просто необходима.

Еще одним источником являются спонтанные фантазии. Они, как правило, отличаются большей связностью и четкостью содержания, важность которого зачастую очевидна. Некоторые пациенты способны фантазировать в любое время, просто-напросто "отключая" критическое отношение к фантазиям. Эти фантазии можно использовать, хотя способностью к такого рода фантазированию отличается далеко не каждый человек. Впрочем, умение свободно фантазировать можно и развить с помощью тренировок. Тренинг заключается прежде всего в систематических упражнениях по отключению

критического отношения, то есть создания вакуума в сознании. Это стимулирует стоящие наготове фантазии. Разумеется, в данном случае необходимо, чтобы фантазии с сильным либидо-зарядом действительно были наготове. А это бывает далеко не всегда. Там, где ничего подобного не наблюдается, требуется принятие особых мер.

Перед тем, как поговорить об этих мерах, я должен отдать дань неприятному ощущению, что читатель в данный момент задается вопросом: "А что, собственно, автор хочет всем этим сказать?" И почему так уж необходимо поднимать на поверхность содержимое бессознательного? Разве недостаточно того, что время от времени оно проявляется само по себе и вызывает весьма неприятные ощущения? Нужно ли нам силой вытаскивать его на поверхность? Не заключается ли задача аналитика как раз в противоположном - освобождении бессознательного от фантазий и лишения его, таким образом, эффективности?

Будет нелишне подробно ответить на эти вопросы, поскольку методы введения бессознательного в сознание могут шокировать читателя, как совершенно новые, необычные и, возможно, даже несколько странные. Поэтому я должен прежде всего развеять эти естественные сомнения, чтобы они не мешали нам, когда мы начнем рассматривать вышеупомянутые методы.

Как мы уже знаем, содержимое бессознательного нам необходимо, как дополнение к осознанной позиции. Если осознанная установка отличается только очень слабой "направленностью", то бессознательное может вполне произвольно вторгаться в сознание. Это и происходит со всеми теми людьми, которые отличаются низким напряжением сознания, например, с представителями примитивных народов. Дикарям не нужны никакие специальные меры для того, чтобы поднять бессознательное на поверхность. Вообще-то, эти особые меры не требуются и цивилизованным людям, ибо те из них, которые имеют наименьшее представление о своей бессознательной стороне, более всего подвержены ее воздействию. Но они не осознают того, что происходит. Бессознательное тайно присутствует везде и для этого ему не требуется наша помощь, но поскольку оно остается бессознательным, мы точно не знаем, что происходит и чего нам ждать. Вот поэтому мы и ищем способ довести до сознания то содержимое бессознательного, которое влияет на наши действия, чтобы мы могли избежать тайного вмешательства бессознательного и его неприятных последствий.

Читатель конечно же задаст вопрос: Почему бы нам не оставить бессознательное в покое? Люди, которым еще не пришлось пережить неприятности такого рода, естественно не видят никакого смысла в контролировании бессознательного. Но любой человек, испытавший достаточно плохое ощущение, с удовольствием будет приветствовать саму возможность такого контроля. Направленность абсолютно необходима для происходящих в сознании процессов, но, как мы уже имели возможность убедиться, она неизбежно влечет за собой однобокость. Поскольку психе является такой же саморегулирующейся системой, как и тело, то урегулирующее противодействие всегда будет развиваться в бессознательном. Если бы не направленность сознания, то ответные влияния бессознательного не были бы мешающими. Именно эта направленность не допускает такой возможности. Разумеется, это не означает ликвидации ответного влияния, которое продолжается несмотря ни на что. Однако, его регулирующее влияние устраняется критическим отношением и направленной волей, потому что ответное влияние как таковое несовместимо с направленностью сознания. В этом смысле психе цивилизованного человека уже больше не является саморегулирующейся системой; ее можно сравнить скорее с машиной, у которой скорость регулируется настолько плохо, что это может привести к самоповреждению в ходе функционирования; в то же самое время она, с другой стороны, является объектом произвольных манипуляций однобокой воли.

Что ж, особенность функционирования психики заключается в том, что при подавлении ответного влияния бессознательного последнее утрачивает свое регулирующее влияние. Тогда оно начинает оказывать ускоряющее и интенсифицирующее влияние на происхо-

дящие в сознании процессы. Ответное влияние словно утратило свою регулирующую функцию, а вместе с ней и свою энергию, в результате чего складываются условия, при которых не только не существует никакого мешающего противодействия, но и его энергия, похоже, вливается в энергию направленного процесса. Это, естественно, прежде всего облегчает осуществление сознанием своих намерений, но поскольку эти намерения ничто не сдерживает, они вполне могут реализовываться за счет всего остального. Например, когда кто-нибудь делает довольно смелое утверждение и подавляет противодействие, а именно вполне обоснованные сомнения, он может себе во вред настаивать на своей точке зрения.

Легкость, с которой может быть "отключено" ответное влияние, пропорциональна уровню разобщенности психе и ведет к утрате инстинкта. Это характерная и обязательная черта цивилизованного человека, поскольку инстинкты, не утратившие своей первоначальной силы, могут сделать адаптацию к обществу практически невозможной. Речь идет не о полной атрофии инстинкта, а, в большинстве случаев, всего лишь о стойких последствиях образования, которое ни за что не пустило бы такие глубокие корни, если бы не приносило индивиду пользу.

Помимо случаев, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, хороший пример подавления регулирующего воздействия бессознательного можно найти в книге Ницше "Так говорил Заратустра". Открытие "сверхчеловека" и "последнего человека" выражает регулирующее влияние, потому что "сверхчеловек" хочет стащить Заратустру назад, в коллективную сферу усредненных человеческих существ, каким он всегда и был, а "последний человек", в общем-то, является персонификацией противодействия. Но ревущий лев нравственных убеждений Заратустры загоняет все это влияние, и прежде всего чувство жалости, назад, в пещеру бессознательного. Таким образом, регулирующее влияние подавляется, но тайное противодействие бессознательного не прекращается, явным доказательством чего служит дальнейшее творчество Ницше. Сначала он ищет противника в Вагнере, которому он не может простить его "Парсифаля", но вскоре его гнев обрушивается против христианства и, в особенности, против святого Павла, который, в определенном смысле, испытал те же превратности судьбы, что и Ницше. Хорошо известно, что психоз Ницше поначалу породил отождествление с "Распятием Христом", а потом - с расчлененным Дионисом. С этой катастрофой противодействие наконец-то прорвалось на поверхность.

Другим примером является классическая мегаломания, о которой мы можем прочитать в четвертой главе Книги Даниила. Находившегося на вершине власти Навуходоносора посетило сновидение, в котором ему было предсказано падение, если только он не смирит свою гордыню. Даниил вполне профессионально истолковал это сновидение, но к нему не прислушались. Последовавшие события показали, что его толкование было верным, поскольку Навуходоносор, подавив регулирующее воздействие бессознательного, пал жертвой психоза, который и представлял собой то самое наказание, которого он стремился избежать: царь земли, он превратился в животное.

Один мой знакомый однажды рассказал мне сновидение, в котором *он шагнул прямо в пустоту с вершины горы*. Я рассказал ему кое-что о воздействии бессознательного и посоветовал воздержаться от опасных путешествий в горы, страстным любителем которых он был. Но он меня высмеял. Несколько месяцев спустя, во время восхождения на гору, он действительно шагнул в пустоту и погиб.

Любой человек, который видел, как эти вещи случаются снова и снова, создавая всевозможные драматические ситуации, поневоле задумается. Он начинает понимать, насколько легко упустить из виду регулирующее влияние, и что ему следует обращать пристальное внимание на регулирующие процессы бессознательного, которые так необходимы для нашего умственного и физического здоровья. Соответственно, он постарается помочь себе, занимаясь наблюдением за собой и самокритикой. Но обычные самонаблюдение и интеллектуальный самоанализ - это совершенно неадекватные сред-

ства установления контакта с бессознательным. Хотя ни одному человеческому существу не удастся избежать неприятных ощущений, каждый человек старается от них увернуться, особенно если он видит путь, каким их можно обойти. Знание регулирующего влияние бессознательного как раз и дает такую возможность, делая ненужными достаточно много неприятных ощущений. Мы можем избежать великого множества окольных путей, единственной отличительной чертой которых являются утомительные конфликты. Плохо уже то, что мы сбиваемся с дороги и делаем серьезные ошибки на неизведанной территории, но заблудиться на густо заселенной и покрытой отличными дорогами местности - это уже перебор. Итак, каким образом мы можем раздобыть знание о регулирующих факторах?

Если мы не обладаем способностью к свободному фантазированию, мы должны прибегнуть к искусственным средствам. Причиной этого, как правило, является подавленное или беспокойное состояние ума, которому мы не можем найти адекватного объяснения. Пациент, естественно, может выдать любое количество рациональных причин - достаточно сослаться на плохую погоду. Но ни одна из этих причин не может быть по-настоящему удовлетворительным объяснением, поскольку причинное объяснение состояний такого типа, как правило, удовлетворяет только постороннего человека, да и то до определенной степени. Посторонний человек рад тому, что его потребность в причинном объяснении более-менее удовлетворена; ему достаточно знать, откуда что взялось; он не ощущает тех страданий, которые причиняет пациенту депрессия. Пациент хочет знать, что с ним происходит и как от этого избавиться. *Ценность эмоционального беспокойства содержится в самой его интенсивности* — это энергия, которую он должен иметь в своем распоряжении, чтобы выйти из состояния ослабленной адаптированности. Подавлением этого состояния или рационально-пренебрежительным к нему отношением ничего не добьешься.

Для того, чтобы овладеть энергией, находящейся в пагубном месте, человек должен сделать основой или исходной точкой процедуры свое эмоциональное состояние. Он должен как можно лучше осознать состояние, в котором он пребывает, полностью в него погрузившись и перенося на бумагу все возникающие у него фантазии и ассоциации. Фантазии следует дать полнейшую свободу, но при этом не позволить ей покинуть орбиту своего объекта, а именно аффекта, когда в действие приводится механизм ассоциативного процесса, идущего по принципу "цепной реакции". Эти, как их называл Фрейд, "свободные ассоциации", уведут пациента от объекта ко всевозможным комплексам, и он никак не может быть уверен в том, что они как-то связаны с аффектом и не являются его заменой. Полная сосредоточенность на объекте порождает более или менее полное выражение настроения, которое, либо конкретно, либо символически, воспроизводит содержимое депрессии. Поскольку депрессия не порождена осознанием разумом, а является нежелательным вторжением бессознательного, то образ настроения представляет собой картину содержимого и тенденций бессознательного, которые, сгруппировавшись, образовали депрессию. Вся процедура является обогащением и разъяснением аффекта, в результате чего аффект и его содержимое подводятся ближе к сознанию, становясь при этом более впечатляющими и более понятными. Эта работа сама по себе может оказывать благоприятное и бодрящее воздействие. В любом случае, она создает новую ситуацию, поскольку дотоле смутный аффект становится более-менее четко сформулированной идеей, благодаря помощи и сотрудничеству со стороны осознющего разума. Это и есть начало трансцендентальной функции, то есть совмещения содержимого сознания с содержимым бессознательного.

С эмоциональным смятением можно справиться и другим способом, не проясняя его интеллектуально, а придавая ему визуальную форму. Обладающие определенным талантом к рисованию пациенты могут выражать свое настроение, рисуя картины. Картина не обязательно должна соответствовать техническим или эстетическим нормам, важно, чтобы в ней присутствовала свободная фантазия и желание написать ее как можно

лучше. В принципе, это процедура не отличается от вышеописанной. Здесь тоже продукт создается под воздействием как сознания, так и бессознательного, воплощая в себе стремление бессознательного к свету и стремления сознания к субстанции.

Однако, мы часто сталкиваемся со случаями, когда не имеется никакого ярко выраженного настроения или депрессии, а присутствует только общая, глухая неудовлетворенность, ощущение неприятия всего на свете, скуки или смутного отвращения, неясной, но мучительной пустоты. В таких случаях нет определенной исходной точки

- ее нужно создать. Здесь необходима особая сосредоточенность на своем либидо, для которой желательно создавать благоприятные внешние условия, типа полного покоя, особенно ночью, когда либидо в любом случае имеет склонность к интроверсии. ("Вот и ночь: громче голос бьющих ключей. И душа моя - бьющий ключ") (Ницше, "Так говорил Заратустра", часть.2. "Ночная песнь". -Прим. ред.).

Критическое внимание следует отключить. Люди, склонные к визуальным образам, должны сосредоточиться на ожидании появления внутреннего образа. Как правило, такой зримый образ фантазии действительно появляется - возможно гипнотически - и должен быть внимательно рассмотрен, а наблюдения должны быть перенесены на бумагу. Люди, склонные к звуко-словесным образам, как правило, слышат внутри себя слова, обрывки внешне бессмысленных фраз, которые, тем не менее, также следует старательно записывать. Некоторые люди в такие моменты просто слышат свой "внутренний" голос. Вообще-то довольно много людей хорошо осознает присутствие у себя внутреннего критика или судьи, который сразу же комментирует все, что эти люди сказали или сделали. Сумасшедшие слышат этот голос непосредственно, как слуховую галлюцинацию. Но и нормальные люди, при условии развитости их внутренней жизни, также способны безо всякого труда воспроизводить этот неслышимый голос. Впрочем, поскольку этот голос печально известен своими упрямством и докучливостью, его почти всегда подавляют. Таким людям нетрудно извлечь из бессознательного нужный им материал и, тем самым, заложить основу трансцендентальной функции.

Есть также и другие люди, которые внутри себя ничего не видят и не слышат, но зато их руки обладают способностью выражать бессознательное. Такие люди могут с большой пользой для себя работать с пластичными материалами. Люди, способные выражать бессознательное движениями своего тела, встречаются крайне редко. Недостаток движений, заключающийся в том, что их трудно зафиксировать в уме, должен компенсироваться последующим старательным их зарисовыванием, чтобы они не стерлись из памяти. Еще более редким, но не менее ценным, даром является автоматическое записывание, непосредственно на бумаге или с помощью планшетки. Оно тоже дает хорошие результаты.

Теперь мы подошли к следующему вопросу: что делать с материалом, полученным одним из вышеописанных способов. На этот вопрос нельзя дать никакого априорного ответа; только когда осознающий разум сталкивается с продукцией бессознательного, то его реакция, вызванная этим столкновением, и определяет последующую процедуру. Только практический опыт может дать нам ключ. Из своего опыта я могу сделать вывод о существовании двух основных тенденций. Один путь - это *творческое формулирование*, другой - *понимание*.

Там, где доминирует принцип творческого формулирования, материал постоянно меняется и накапливается до тех пор, пока не происходит что-то вроде конденсации мотивов в более-менее стереотипные образы. Они стимулируют творческую фантазию и выполняют, в основном, роль эстетических мотивов. Эта тенденция ведет к эстетической проблеме художественного формулирования.

Там же, где доминирует принцип понимания, эстетический аспект вызывает относительно слабый интерес и иногда даже может считаться помехой. В данном случае идет ожесточенная борьба за понимание *смысла* созданного бессознательным продукта.

Если эстетическое формулирование имеет тенденцию сосредотачиваться на формальном аспекте мотива, то интуитивное понимание зачастую пытается постигнуть смысл по содержащимся в материале почти неадекватным намекам, не принимая к рассмотрению те элементы, которые поднимаются на поверхность сформулированными более четко.

Ни одна из этих тенденций не может быть реализована произвольным усилием воли; они в значительной степени являются результатом особого склада индивидуальной личности. Обе эти тенденции имеют свои отрицательные стороны и могут увести индивида в сторону. Опасность эстетической тенденции заключается в преувеличении формальной или "художественной" ценности продукта фантазии; либидо отвлекается от реальной цели трансцендентальной функции и сосредотачивается на второстепенных чисто эстетических проблемах самовыражения художника. Опасность стремления понять смысл заключается в переоценке содержания, которое подвергается интеллектуальному анализу и толкованию, в результате чего утрачивается по сути своей символический характер продукта. До определенного момента мы можем следовать по одному из этих путей, чтобы удовлетворить свои эстетические или интеллектуальные потребности, в зависимости от того, какие из них доминируют в данном конкретном случае. Но на опасность любого из этих путей стоит обратить самое пристальное внимание, потому что, по достижении определенного уровня психического развития, продукция бессознательного сильно переоценивается именно потому, что до того ей вообще не придавалось никакого значения. Эта переоценка является одной из самых больших помех в формулировании материала бессознательного. Она обнажает коллективные стандарты, по которым оценивается все индивидуальное: все, что не укладывается в коллективную схему, не может быть признано хорошим или красивым, хотя правда и то, что современное искусство начинает пытаться компенсировать эту позицию. Отсутствует не коллективное признание созданного индивидом продукта, а его субъективная оценка, понимание его смысла и ценности для *субъекта*. Разумеется, такое чувство неполноценности индивида по отношению к своему собственному продукту не везде является правилом. Иногда мы сталкиваемся с его прямой противоположностью: наивной и некритичной переоценкой в сочетании с требованием коллективного признания, которое проявляется сразу же после того, как был преодолен комплекс неполноценности. И наоборот, первоначальная переоценка может легко превратиться в самоскептицизм. Эти ошибочные суждения порождаются бессознательным индивида и отсутствием уверенности в себе: индивид либо подстраивается исключительно под коллективные стандарты либо, по причине своего раздутого эго, утрачивает реальное восприятие самого себя.

Похоже на то, что одна тенденция является регулирующим принципом другой; они обе связаны друг с другом узами взаимного компенсирования. Эта формула порождена опытом. Если на этой стадии уже можно делать более общие выводы, то мы могли бы сказать, что эстетическое формулирование нуждается в понимании смысла, а пониманию требуется эстетическое формулирование. Обе тенденции дополняют друг друга и образуют трансцендентальную функцию.

Первые шаги в любом из этих направлений делаются в соответствии с одним и тем же принципом: сознание предоставляет свои средства выражения в распоряжение содержимого бессознательного. Поначалу от него больше ничего и не требуется, дабы избежать ненужного воздействия. Ведущую роль в придании содержимому бессознательного формы следует поручить, насколько это будет возможно, вынесенным бессознательным случайным идеям и ассоциациям. Естественно, это является ударом, и зачастую очень болезненным, по позиции сознания. Это нетрудно понять, если мы вспомним, как обычно представляют себя содержания бессознательного:

в качестве вещей, которые по природой своей слишком слабы, чтобы преодолеть порог сознания, или в качестве подавленных по различным причинам несовместимых с

сознанием элементов. По большей части эти содержания являются нежелательными, неожиданными, иррациональными, а их неприятие или подавление представляется вполне оправданным. Только малая часть этих содержаний имеет какую-либо необычную ценность, как с коллективной, так и с индивидуальной точки зрения. Но содержания, которые коллектив считает совершенно бесполезными, индивиду представляются чрезвычайно ценными. Этот факт находит свое выражение в страсти, вне зависимости от того, положительно или отрицательно настроен индивид. Общество тоже оказывается расколотым в вопросе принятия новых и неведомых идей, которые отличаются крайней эмоциональностью. Цель первоначальной процедуры заключается в обнаружении настроенного на чувства содержимого, поскольку в этих случаях мы всегда имеем дело с ситуациями, в которых однобокость сознания сталкивается с сопротивлением инстинктуальной сферы.

Эти две дороги идут параллельно друг другу до тех пор, пока для одного типа людей решающей не становится эстетическая проблема, а для другого типа -интеллектуальная. В идеале, эти два аспекта могли бы сосуществовать друг с другом или ритмично сменять друг друга; то есть могло бы иметь место чередование творчества и понимания. Кажется, что одно не может существовать без другого, но на практике такое случается: творческий порыв овладевает объектом, вытесняя смысл, или стремление к пониманию подавляет необходимость придания объекту формы. Содержимое бессознательного прежде всего хочет быть увиденным, а этого можно достичь только посредством придания ему формы, и оно также хочет, чтобы о нем судили только после того, как все, что оно должно сказать, получит осязаемую форму. Именно по этой причине Фрейд, прежде чем толковать содержимое сновидений, требовал их выражения в форме "свободных ассоциаций".

Далеко не всегда бывает достаточно просто прояснить концептуальный контекст содержимого сновидения. Зачастую необходимо прояснить смутное содержимое посредством придания ему видимой формы. Это можно сделать с помощью рисунка, картины или скульптуры. Часто бывает так, что руки знают, как разрешить загадку, над которой тщетно бьется интеллект. Придав форму содержимому сновидения, человек продолжает видеть его более детально в состоянии бодрствования и поначалу непонятное, изолированное событие интегрируется в целостную личность, несмотря даже на то, что на первых порах сознание объекта его не воспринимает. Эстетическое формулирование на этом останавливается и отказывается от каких-бы то ни было попыток понять смысл. Иногда это приводит к тому, что пациенты начинают воображать себя художниками -разумеется непонятыми. Желание понять, если оно обходится без тщательного формулирования, начинается со случайной идеи или ассоциации, а потому лишено адекватной базы. У него больше шансов на успех, если оно начинается с сформулированного продукта. Чем слабее сформирован и развит первоначальный материал, тем больше опасность подчинения понимания не эмпирическим фактам, а теоретическим и нравственным соображениям. Интересующий нас тип понимания на этой стадии состоит в реконструкции смысла, присущего изначально "случайной" идее.

Нет сомнения в том, что такая процедура является законной только в том случае, когда для нее имеется достаточно серьезный повод. Точно так же бессознательному можно поручить ведущую роль только в том случае, если оно уже содержит в себе волю играть эту роль. Естественно, это происходит только тогда, когда осознающий разум оказывается в критической ситуации. Как только содержимому бессознательного придается форма и постигается смысл формулировки, встает вопрос о том, как связать с этим эго, и каким образом примирить эго и бессознательное. Соединение противоположностей для создания третьей вещи (трансцендентальной функции) -это вторая и более важная фаза процедуры. На этой стадии ведущая роль принадлежит уже не бессознательному, а эго.

Здесь мы не будем определять индивидуальное эго, а оставим его в его банальной реальности, как тот постоянный центр сознания, присутствие которого мы стали ощущать с раннего детства. Эго сталкивается с продукцией психики, которая своим

существованием по большей части обязана процессам, происходящим в бессознательном, а потому до определенной степени противостоит эго и его тенденциям.

Чтобы прийти к соглашению с бессознательным, необходимо занимать именно такую точку зрения. Позиция эго должна считаться равноценной контрпозиции бессознательного, и наоборот. И обязательно нужно помнить вот о чем: если осознающий разум цивилизованного человека оказывает на бессознательное сдерживающее воздействие, то вырвавшееся на волю бессознательное зачастую оказывает очень опасное воздействие на эго. Точно так же, как в свое время эго подавило бессознательное, освободившееся бессознательное может отбросить эго и овладеть им. Есть опасность того, что эго, так сказать, потеряет голову и потому не будет в состоянии защитить себя от давления аффективных факторов - ситуация, с которой часто начинается шизофрения. Такой опасности не существовало бы или она не была бы настолько острой, если бы процесс столкновения с бессознательным каким-то образом мог лишить аффекты их динамики. Именно это и происходит, когда контрпозиция подвергается эстетизированию или интеллектуальному анализу. Но конфронтация с бессознательным должна быть многосторонней, поскольку трансцендентальная функция не является частичным процессом, идущим в обусловленном направлении; это полноценное и интегральное событие, в которое включены или должны быть включены все аспекты. Стало быть, аффект должен развернуться во всю свою мощь. Эстетизация и интеллектуальный анализ являются прекрасным оружием против опасных аффектов, но их следует использовать только в случае действительно серьезной угрозы, а не для того, чтобы избежать выполнения необходимой работы.

Благодаря фундаментальным открытиям Фрейда, мы знаем, что эмоциональные факторы заслуживают самого пристального внимания при лечении неврозов. Личность, *как целое*, должна восприниматься всерьез, и это правило относится, как к врачу, так и к пациенту. Насколько тщательно врач должен укрываться за щитом теории - это вопрос деликатный, зависящий только от его благоразумия. В любом случае, лечение невроза - это не какое-то там психологическое "водолечение", а обновление личности, работа во всех направлениях и проникновение во все сферы жизни. Примирение с контр-позицией - это серьезное дело, от которого порой зависит очень многое. Серьезное отношение к другой стороне - это обязательное предварительное условие процесса, потому что только таким образом регулирующие факторы могут оказать воздействие на наши действия. Но серьезное отношение к другой стороне не означает, что мы должны воспринимать ее буквально, зато означает, что мы должны оказать бессознательному доверие, чтобы у него была возможность сотрудничать с сознанием, вместо того, чтобы автоматически его беспокоить.

Итак, для того, чтобы прийти к соглашению с бессознательным, нужно не только оправдать точку зрения эго, но и наделить бессознательное такими же полномочиями. Эго берет на себя ведущую роль, но и бессознательное тоже должно иметь право голоса - *audiat et altera pars** (Следует выслушать и противоположную сторону. - *Прим. ред.*).

То, как этого можно добиться, лучше всего видно на примере тех случаев, когда более-менее отчетливо слышится "внутренний" голос. Для таких людей технически не составляет никакого труда записать услышанное и ответить на заявления "внутреннего" голоса с точки зрения эго. Это ничем не отличается от диалога между двумя равноправными человеческими существами, каждое из которых уважает аргументы другого и считает нужным потратить время на изменение конфликтных точек зрения посредством сравнения и дискуссии, или же на то, чтобы провести между ними четкую границу. Поскольку к соглашению редко когда ведет прямая дорога, то в большинстве случаев имеет место длительный конфликт, требующий больших жертв с обеих сторон. Такие же отношения вполне могут сложиться между пациентом и аналитиком, причем роль адвоката дьявола естественно достается последнему.

В наше время мы с ужасающей ясностью видим, насколько не способны люди выслушивать друг друга, хотя эта способность является фундаментальным и обязательным условием существования любого человеческого сообщества. Любой, кто хочет жить в согласии с самим собой, должен считаться с этой основополагающей проблемой. Ибо, в той мере, в какой человек не допускает правоты другого человека, в той мере он отказывается в праве на существование своему внутреннему "другому" - и наоборот. Способность к внутреннему диалогу - это оселок, на котором испытывается способность к внешней объективности.

Если при наличии внутреннего диалога процесс примирения с бессознательным очень прост, то он, конечно же, более сложен в тех случаях, когда нам доступна только визуальная продукция, язык которой представляется достаточно красноречивым тем, кто его понимает, и совершенной тарабарщиной - тем, кто его не понимает. Столкнувшись с такой продукцией, это должно перехватить инициативу и спросить: "Что значит для меня сей знак?" (Гете, "Фауст".) Это фаустов вопрос может вызвать просветляющий ответ. Чем прямее и естественнее ответ, тем более он ценен, потому что прямота и естественность гарантируют более-менее полноценную реакцию. Совсем не обязательно доводить процесс конфронтации до сознания во всех его подробностях. Зачастую, полноценная реакция не имеет в своем распоряжении тех теоретических предположений, взглядов и концепций, которые делают возможным ясное понимание. В таких случаях человек должен удовлетворяться бессловесными, но внушающими доверие чувствами, которые заменяют теории и концепции и являются более ценными, чем заумные разговоры.

Перемещение взад-вперед аргументов и аффектов представляет трансцендентальную функцию противоположностей. Конфронтация двух позиций порождает заряженное энергией напряжение и создает живую, третью вещь - не мертворожденную логику в соответствии с принципом *tertium non datur* (Третьего не дано (лат.) - Прим. ред.), а движение от напряжения между противоположностями, рождение жизни, которая ведет на новый уровень бытия, в новую ситуацию. Трансцендентальная функция проявляет себя, как качество соединенных противоположностей. До тех пор, пока они держатся порознь - естественно, с целью избежать конфликта - они не функционируют и остаются инертными.

В какой бы форме противоположности не проявлялись в индивиде, в основе всегда лежит проблема заблудившегося и застрявшего в однобокости сознания, столкнувшегося с образом инстинктивной целостности и свободы. Это образ антропоида (древнего человека), с его, с одной стороны вроде бы ничем не ограниченным миром инстинкта, а с другой, с его часто неправильно понимаемым миром духовных идей; этот человек, компенсируя и исправляя нашу однобокость, появляется из темноты и показывает нам, каким образом и в каком месте мы сбились с основного пути и искалечили себе психику.

Здесь я должен удовлетвориться описанием внешних форм и возможностей трансцендентальной функции. Другой еще более важной задачей является описание содержимого этой функции. По этой теме уже накопилось огромное количество материала, но преодолены еще не все трудности с его толкованием. Нужно еще много подготовительных исследований, прежде чем будет заложен концептуальный фундамент, который даст нам возможность четко и понятно объяснить содержимое трансцендентальной функции. К сожалению, мне пришлось убедиться в том, что научная общественность еще не везде готова выслушивать чисто психологические аргументы, поскольку она либо воспринимает их слишком лично, либо околдована философскими или интеллектуальными предубеждениями. Из-за этого любая осмысленная оценка психологических факторов становится практически невозможной. Если люди воспринимают их очень лично, то их суждение всегда будет субъективным, и они объявят невозможным все, что не уместается в рамки их случая, или все, что они предпочитают не признавать. Они совершенно не способны понять, что то, что верно в их случае, может не

годиться для другого человека с другой психологией. Мы по-прежнему очень далеки от обладания схемой, пригодной на все случаи жизни.

Одним из величайших препятствий на пути к психологическому пониманию есть желание знать, является ли приводимый психологический фактор "истинным" или "правильным". Если это фактор описан правильно, значит он истинен сам по себе и доказывает свою истинность самим своим существованием. С таким же успехом можно спрашивать, является ли утконос "истинным" или "правильным" созданием Творца. Таким же детским является предубежденное отношение к роли, которую мифологические предположения играют в жизни психе. Раз они не являются "правдой", говорят нам, им нет места в научном объяснении. Но мифологемы существуют на самом деле, хотя содержащиеся в них утверждения не совпадают с нашей ни с чем не сопоставимой идеей "истины".

Поскольку процесс примирения с контрпозицией отличается целостностью, то ни один аспект не остается за его пределами. Все принимает участие в споре, даже если до сознания доходят только отдельные его фрагменты. В результате конфронтации с дотоле неосознаваемым содержанием сознание постоянно расширяется или - если быть более точным - может быть расширено, при условии, что оно задаст себе труд интегрировать это содержимое. Это, естественно, происходит далеко не всегда. Даже если индивид достаточно разумен для того, чтобы понять процедуру, ему может не хватать отваги и уверенности в себе, или же он может оказаться слишком ленивым, как умственно, так и нравственно, или же слишком трусливым, чтобы предпринять такое усилие. Но там, где существуют все необходимые предпосылки, трансцендентальная функция не только становится ценным дополнением к психотерапевтическому лечению, но и дает пациенту великолепную возможность оказать помощь аналитику и избавиться от зависимости, которую многие считают унижительной. Это возможность самому добиться своего освобождения и самому отыскать в себе отвагу.

БОРЬБА С ТЕНЬЮ

Смутные события последнего десятилетия наводят на мысль, что их причиной явились специфические психические расстройства. Если вы спросите психиатра, что он думает по этому поводу, то вполне можете надеяться на получение разъяснения с этой позиции. Но даже в этом случае психиатр, как ученый, не претендует на всеобъемлющий ответ, поскольку рассматривает свою точку зрения не более, чем ограниченный вклад в решение колоссальной по сложности задачи.

Когда кто-то выступает с позиции психопатологии, совсем нелегко обращаться к аудитории, в которую могут входить люди, не имеющие представления об этой весьма специальной и сложной области. Но существует одна весьма простая вещь, о которой всегда следует помнить: истоком психопатологии масс является психопатология индивида. Психический феномен этой категории можно изучать на индивидуальном примере. Только если удастся установить, что определенные феномены или симптомы являются характерными для некоторого числа различных индивидов, можно начинать исследовать его как массовое явление.

Как вам уже, вероятно, известно, я одновременно рассматриваю психологию как сознания, так и бессознательного, что включает в себя и анализ сновидений. Сновидения являются естественным продуктом бессознательной психической активности. Нам давно известно, что существует биологическая связь между бессознательными процессами и активностью сознательной мысли. Эти взаимоотношения можно лучше всего представить как компенсацию, которая означает, что всякий недостаток сознания - такой, как преувеличение, односторонность или потеря функциональности - сопровождается соответствующим бессознательным процессом.

Еще в 1918 г. я заметил специфические нарушения в бессознательной сфере моих немецких пациентов, которые нельзя было объяснить их индивидуальной психологией. Подобные неличностные феномены всегда проявляют себя во снах в форме мифологических тем, которые можно обнаружить в сказках и легендах всего мира. Я назвал эти мифологические мотивы *архетипами*: они представляют собой типичные состояния или формы, в которых переживаются такие коллективные феномены. Нарушения в сфере коллективного бессознательного присутствовали у каждого из моих немецких пациентов. Можно было бы объяснить эти нарушения с позиции причинности, но подобное объяснение не вполне удовлетворительно, поскольку архетипы легче понять исходя из цели, которой они служат, чем основываясь на причинно-следственной связи. Наблюдавшиеся мной архетипы выражают первобытные инстинкты, насилие и жестокость. Когда я изучил достаточное количество таких случаев, мое внимание привлекло специфическое состояние ума, преобладающее в Германии. Я видел лишь признаки депрессии и повышенного беспокойства, но это не усыпило мою подозрительность. В то время я напечатал в газете предположение, что "белокурая бестия" просыпается от тяжелого сна, и в этом случае взрыв является вполне возможным. (См. *"The Role of the Unconscious"*, пар. 17.)

Как стало ясно в последующие годы, это состояние ни в коем случае нельзя считать чисто Тевтонским феноменом. Атака примитивных психических сил носила более или менее всеобщий характер. Единственное отличие заключалось в самом германском менталитете, который лишней раз доказал свою большую чувствительность по причине заметной склонности немцев к массовой психологии. Более того, поражение и социальные катастрофы усилили стадный инстинкт в Германии, так что весьма и весьма вероятно, что Германия стала первой жертвой среди Западных наций - жертвой массового движения, возникшего по причине подъема сил, до того спящих глубоко в бессознательном, и готовых прорваться через любые моральные заслоны. Эти силы, в соответствии с правилами, о которых я уже говорил, должны были сыграть роль компенсации. Если подобное компенсаторное движение не интегрируется в сознании индивида, это приводит

к невроту или даже психозу, и то же самое действительно для коллектива. Совершенно ясно, что-то не то происходит с сознательным отношением к осуществлению подобного компенсаторного движения; нечто должно быть не в порядке или патологически увеличено, потому что только дефектное сознание может вызвать противодействие со стороны бессознательного. Что ж, как нам известно, очень многое было не в порядке, и мнения на этот счет совершенно расходятся. Какое мнение ближе всего к истине, мы узнаем лишь *ex effectu* (По результату (лат) — *Прим.перев.*); то есть мы сможем определить, каковы же нарушения сознания были характерны для нашего времени, только выяснив, какого рода реакцию они вызвали у бессознательного.

Как я уже говорил, волна, поднявшаяся из глубин бессознательного после Первой Мировой войны, нашла отражение в индивидуальных сновидениях, в форме коллективных, мифологических символов, выражавших первобытные инстинкты, насилие и жестокость: короче говоря, силы тьмы. Когда подобные символы проявляются у большого числа индивидов и являются для них необъяснимыми, они притягивают таких индивидов друг к другу словно магнитом, и так формируется толпа. Лидер для нее вскоре найдется - личность, имеющая наименьшую сопротивляемость, наименьшее чувство ответственности, и, по причине своих низменных склонностей, наибольшую волю к власти. Он даст волю всему тому, что вот-вот готово взорваться, и толпа последует за ним, подобно неуправляемой снежной лавине.

Я наблюдал Германскую революцию, так сказать, в испытательной пробирке личности, и полностью отдавал себе отчет в огромной опасности, которую заключала возможность объединения подобных людей. Но в то время я не знал, достаточно ли их в Германии, чтобы сделать такой взрыв неизбежным. Тем не менее, мне довелось встретить довольно большое число таких случаев, и пронаблюдать развертывание темных сил в лаборатории индивидуальной психики. Я смог проследить, как эти силы прорывались наружу, разрушая мораль и самоконтроль личности, и, подобно наводнению, захлестывали мир ее сознания. Часто это было связано с большим страданием и разрушением личности; но когда индивиду удавалось ухватиться за спасительную соломинку рационального или сохранить узы человеческих взаимоотношений, новая компенсация осуществлялась в бессознательном сущим хаосом сознательного мышления, и такая компенсация могла интегрироваться в сознание. Одновременно появлялись новые символы, имеющие коллективную природу, но теперь уже отражающие силы *порядка*. Эти символы были наделены мерой, пропорцией и симметричностью композиции, что выражалось в их специфичной математической и геометрической структуре. Они представляли собой осевые симметричные системы, известные как *мандалы*. Я боюсь, что не смогу разъяснить здесь эти в высшей степени технические моменты, но все же, как ни темен смысл такого изложения, я должен вскользь упомянуть о них, поскольку они представляют проблеск надежды, а надежда необходима нам в нынешнее время распада и хаотического беспорядка.

Повсеместная растерянность и беспорядок отражают аналогичные процессы, происходящие в уме индивида, но это отсутствие ориентира компенсируется в бессознательном архетипами порядка. Здесь я снова должен указать на то, что если эти символы порядка не интегрируются в сознание, то силы, ими выражаемые, могут накапливаться, достигая опасного уровня концентрации, как это произошло с силами разрушения и беспорядка двадцать пять лет назад. Интеграция бессознательного содержания является актом индивидуальной реализации, понимания и оценки. Это наиболее трудная задача, требующая наивысшего уровня этической ответственности. Лишь относительно небольшое число индивидов способно на такое достижение, и они являются не политическими, а моральными лидерами человечества. Поддержка и дальнейшее развитие цивилизации зависит от этих личностей, поскольку совершенно очевидно, что сознание масс отнюдь не улучшилось со времен Первой Мировой войны. Только некоторые склонные к размышлениям умы извлекли для себя пользу, а их моральный и

интеллектуальный горизонты были в значительной степени расширены через осознание подавляющей силы зла и того факта, что человечество может стать просто его инструментом. Но обычный человек находится все еще там, где он был в конце Первой Мировой войны. Таким образом, совершенно ясно, что подавляющее большинство неспособно к интегрированию сил порядка. Напротив, даже возможно, что эти силы вторгнутся на территорию сознания, и, застав врасплох, против нашей воли овладеют им силой. Мы видим первые симптомы повсюду: тоталитаризм и порабощение Государством. Ценность и важность индивида быстро уменьшаются, и шансов быть услышанным у него все меньше и меньше.

Этот процесс вырождения будет длительным и болезненным, но я боюсь, что он неизбежен. Много времени пройдет прежде, чем станет ясно, что лишь идя по этому пути человек со своим жалким бессознательным, инфантильностью и слабостью личности сможет превратиться в человека будущего, который знает, что он сам кузнец своей судьбы, и что Государство служит ему, а не является его хозяином. Но человек достигнет этого уровня только когда поймет, что при посредстве своего бессознательного проиграл самые основные *droits de l'homme* (Права человека (фр.) — *Прим. перев.*). Германия предоставила нам наиболее поучительный пример рассматриваемого психологического развития. Здесь Первая Мировая война выпустила на волю скрытую силу зла, так же, как сама война была выпущена на свободу аккумуляцией бессознательных масс и их слепым желанием. Так называемый "Friedens-keiser" (Император-миротворец (нем.) - *Прим. перев.*) был одним из первых пострадавших, и, что было характерно и для Гитлера, выражал эти незаконные, хаотические желания, вследствие чего был вовлечен в войну, ставшую неизбежной катастрофой. Вторая Мировая война стала повторением тех же психических процессов, но в несравнимо больших масштабах.

Как я уже говорил, натиск массовых инстинктов был симптомом компенсаторного движения бессознательного. Такое движение стало возможным, потому что в сознании людей создалось отчуждение от естественных законов человеческого существования. Благодаря индустриализации огромные группы населения были оторваны от своих корней и собраны вместе в крупных центрах. Эта новая форма существования - со своей массовой психологией и социальной зависимостью от колебаний рынка и оплаты труда - произвела на свет индивида, который был нестабилен, незащищен и внушаем. Он знал, что его жизнь зависит от советов директоров и лидеров индустрии, и он предполагал, верно ли или нет, что ими движут в основном финансовые мотивы. Он также знал, что независимо от того, насколько добросовестно он работает, в любой момент он может стать жертвой экономических перемен, которые находились совершенно за пределами его контроля. И ему не на что было больше положиться. Более того, система морального и политического образования, преобладающая в Германии, уже сделала все, чтобы люди прониклись духом слепого повиновения, верой в то, что любое желание может исполниться только свыше, от тех, кто божественным указом посажены на самый верх, над законопослушными гражданами, чьи чувства личной ответственности подавлены неумолимым чувством долга. Поэтому неудивительно, что именно Германия стала жертвой массовой психологии, хотя она никоим образом не является единственной страной, носящей этот ужасный эмбрион. Влияние массовой психологии имело очень широкое распространение.

Чувство индивидуальной слабости, связанное, конечно, с небытием, было компенсировано дотоле невиданной жадной властью. Это был мятёж бессилия, ненасытное стремление к тому, что "нельзя". Такими окольными путями бессознательное заставляет человека осознать себя. К сожалению, в сфере сознательного мышления индивида отсутствовали ценности, которые бы могли помочь ему понять и интегрировать реакцию, когда она достигала сознания. Высшие интеллектуальные авторитеты не проповедовали ничего, кроме материализма. Церкви были явно не способны справиться с новой ситуацией; им оставалось только выражать протест, что не особенно помогало. Так лавина продолжала нарастать в Германии и произвела на свет лидера, избранного в качестве

инструмента для окончательного разрушения нации. Но какими же были его истинные цели? Он мечтал о "новом порядке". Мы можем допустить грубую ошибку, если предположим, что он на самом деле не намеревался создать международный порядок определенного рода. Напротив, в глубине его существа руководили силы порядка, вступившие в свои права начиная с того момента, когда желания и жадность полностью овладели его сознанием. Гитлер был представителем "нового порядка", и в этом подлинная причина того, что почти каждый немец поддался его влиянию. Немцы жаждали порядка, но они допустили фатальную ошибку, избрав своим лидером главную жертву беспорядка и неконтролируемых желаний. Их личностное отношение не претерпело изменений: точно так же, как они жаждали власти, они жаждали порядка. Как и остальной мир, они не понимали, в чем заключается значение Гитлера, не понимали, что он символизировал нечто, имеющееся в каждом индивиде. Он был наиболее чудовищной персонификацией всех низменных человеческих проявлений. Он был совершенно неспособной, неадаптивной, безответственной и психопатической личностью, наполненной пустыми, детскими фантазиями, но одаренной острой интуицией беспризорника или крысы. Он представлял тень, низшую сторону личности каждого, в ошеломляющих масштабах, и это была другая причина, по которой за ним последовали. Что они могли сделать? В Гитлере каждый немец должен был увидеть свою собственную тень, наибольшую для себя опасность. Осознать свою тень и научиться управляться с ней - участь всех людей. Но как можно было ждать от немцев этого, когда никто в мире еще не мог понять эту простую истину? Мир никогда не добьется порядка, пока эту истину не признают все. Время от времени мы развлекаем себя нахождением внешних и вторичных причин, по которым этого нельзя достигнуть, хотя хорошо знаем, что объективные условия сильно зависят от того, как мы их воспринимаем. Если, например, всем швейцарским французам придет в голову, что все швейцарские немцы - исчадия ада, мы в результате получим страшнейшую гражданскую войну в Швейцарии, и мы так же немедленно найдем экономические причины того, что эта война неизбежна. Что ж - мы этого, конечно, не допустим, потому что получили свой урок более четырехсот лет назад. Мы пришли к выводу, что лучше избегать внешних войн, - это позволило нам вернуться домой и забрать с собой весь сор. В Швейцарии мы создали "совершенную демократию", при которой наши воинственные инстинкты выливаются в форму домашней ругани, именуемую "политическая жизнь". Мы бьемся друг с другом в пределах законности и конституции, и мы склонны думать о демократии, как о перманентном состоянии умеренной гражданской войны. Наша мирная внешняя политика просто служит заслоном, защищающим домашние ссоры от постороннего вмешательства. Таким образом, мы добились успеха, однако до конечной цели еще далеко. У нас все еще есть враги во плоти, и мы еще не обратили внутрь наши политические разногласия. Мы все еще работаем под воздействием нездорового заблуждения, будто мы находимся в мире с самими собой. Но даже наша национальная, умеренная гражданская война быстро придет к концу, если каждый сможет увидеть собственную тень и начать единственно стоящую борьбу: борьбу против могучей власти тени. У нас в Швейцарии довольно сносный социальный порядок, потому что мы воюем между собой. Наш порядок был бы совершенным, если бы каждый обратил свою агрессивность внутрь себя, внутрь собственной психики. К сожалению, наше религиозное образование не позволяет нам сделать это своими фальшивыми обещаниями немедленного внутреннего мира. Мир может в конце концов придти, но только когда победа и поражение потеряют свое значение. Что имел в виду наш Господь, когда сказал: "Не мир пришел я принести, но меч"?

Насколько мы способны создать истинную демократию - условную внутреннюю войну, коллективную или же индивидуальную - настолько мы осознаем, делаем реальными факторы порядка, потому что дальше можно жить только лишь при условии наличия порядка. При демократии вы просто не можете позволить себе подвергнуться всеусложняющему влиянию внешних факторов. Как вы можете нормально вести

гражданскую войну, когда вас атакуют извне? Когда вы в серьезном разногласии с самим собой, вам приятны дружественные вам люди, как вероятно сочувствующие вашему состоянию, и в этом отношении вы расположены к гостеприимству и дружеским чувствам. Но вы вежливо стараетесь избегать людей, пытающихся помочь избавиться вас от трудностей. Мы, психологи, путем длительного и болезненного опыта, хорошо усвоили, что когда человека избавляют от его комплексов, он лишается своих лучших ресурсов. Ему можно помочь, лишь поставив в известность о них, для того, чтобы начался внутренний конфликт. В этом случае комплекс становится фокусом жизни. Все, что исчезает из вашего психологического арсенала, способно принять личину враждебного соседа, который неизбежно вызовет ваш гнев и сделает агрессивным. Без сомнения, лучше знать, что ваш худший враг находится близко, прямо в вашем сердце. Человеческие воинственные инстинкты неискоренимы - поэтому состояние совершенного мира немыслимо. Более того, мир страшен, потому что порождает войну. Истинная демократия есть высший психологический институт, который воспринимает человеческую природу такой, какова она есть, и допускает необходимость конфликта внутри национальных границ.

Если вы сопоставите настоящее состояние немецких умов и аргументы, которые я привел, вы оцените грандиозность задачи, стоящей перед миром. Вряд ли мы можем ожидать от деморализованных масс немцев осознание важности такой психологической истины, хотя и весьма простой. Но у великих западных демократий гораздо больше шансов, пока они держатся в стороне от войн, которые всегда искушали их возможностью поверить во внешних врагов и в необходимость внутреннего мира. Заметная тенденция западных демократий ко внутренним разногласиям является именно тем, что может вывести их на более обнадеживающий путь. Но я опасаюсь, что эта надежда будет отдаляться силами, все еще убежденно верящими в обратный процесс, в разрушение индивидуального и усиление фикции, именуемой Государством. Психолог же твердо верит в индивидуальное, как в единственный носитель мысли и жизни в целом. Общество и Государство берут свои качества от ментального состояния личности, потому что они состоят из личностей и способа их организации. Хотя этот факт очевиден, он еще не достаточно пропитал общественное мнение, чтобы удерживать людей от употребления слова "Государство", как если бы речь шла о некоей сверхличности, наделенной неисчерпаемой мощью и ресурсами. От Государства сегодня ждут того, чего никто бы не стал ждать от индивида. Опасный уклон, ведущий вниз к массовой психологии, начинается с подобных благовидных размышлений в большом количестве, в рамках могучих организаций, где индивид вырождается просто в цифру. Все, что превосходит размеры конкретного человека, тут же будит в равной степени нечеловеческие силы в его бессознательном. Вызывается демон тоталитаризма, вместо осознания того, что все на самом деле может быть достигнуто в моральной природе личности одним неизмеримо малым шагом вперед. Разрушительная сила нашего оружия превысила все возможные масштабы, и это влечет за собой психологический вопрос ко всему человечеству: являются ли моральные и умственные качества людей, принимающих решение о его применении, сравнимыми с чудовищностью возможных последствий?

НЕРАСКРЫТАЯ САМОСТЬ

(настоящее и будущее)

1. Незавидное положение индивида в современном обществе

Что принесет с собой будущее? С незапамятных времен этот вопрос занимал человека, хотя и не всегда в одинаковой степени. История свидетельствует, что человек с тревогой и надеждой обращает свой взгляд в будущее во времена физических, политических, экономических и духовных потрясений, когда рождается множество надежд, утопических идей и апокалиптических видений. Вспоминаются, например, хилиастические ожидания современников императора Августа на заре христианской эры или духовные перемены на Западе, сопровождавшие конец первого тысячелетия от Рождества Христова. В наше время, когда близится к концу второе тысячелетие, мы снова живем в мире, переполненном апокалиптическими образами всеобщего уничтожения. Какое значение имеет деление человечества на два лагеря, символом которого является "Железный Занавес"? Что станет с нашей цивилизацией и с самим человечеством, если начнут взрываться водородные бомбы или если духовная и нравственная тьма государственного абсолютизма поглотит всю Европу?

У нас нет никаких оснований считать возможность такого исхода маловероятной. В любой стране Запады существуют небольшие группы подрывных элементов, которые, используя нашу гуманность и стремление к правосудию, держат наготове спичку у бикфордова шнура, и остановить распространение их идей может только критический разум отдельного, в высшей степени развитого и умственно стабильного слоя населения. Не следует переоценивать "толщину" этого слоя. В каждой стране она разная, в зависимости от национального темперамента населения. Кроме того, "толщина" этого слоя зависит от уровня образования в данной конкретной стране и от чрезвычайно сильных факторов экономического и политического характера. Если в качестве критерия использовать плебисцит, то по самым оптимистическим оценкам "толщина" этого слоя составит сорок процентов от общего числа избирателей. Но и более пессимистическая оценка будет вполне оправданной, поскольку дар здравого смысла и критического мышления не принадлежит к наиболее характерным отличительным особенностям человека, и даже там, где он действительно имеет место, он не является постоянным и непоколебимым, и, как правило, слабеет по мере разрастания политических групп. Масса подавляет проницательность и вдумчивость, на которые еще способна отдельно взятая личность, и неизбежно приводит к доктринерской и авторитарной тирании, стоит только конституционному государству дать слабину.

Использование рациональных аргументов может иметь шансы на успех только в том случае, если эмоциональность данной конкретной ситуации не превышает определенного критического уровня. Если накал страстей поднимается выше критического уровня, то исчезает всякая возможность того, что слово разума возымеет действие, и на смену ему приходят лозунги и иллюзорные желания-фантазии. То есть наступает своеобразное коллективное безумие, которое быстро превращается в психическую эпидемию. В таких условиях на самый верх поднимаются те элементы, которые в эпоху правления разума считаются асоциальными и существование которых общество лишь терпит. Такие индивиды ни в коей мере не являются редкими необычными экземплярами, которых можно встретить лишь в тюрьме или психиатрической больнице. По моим оценкам, на каждого явного сумасшедшего приходится, как минимум, десять скрытых, безумие которых редко проявляется в открытой форме, а взгляды и поведение, при всей внешней нормальности, незаметно для их сознания подвергаются воздействию патологических и извращенных факторов. По вполне понятным причинам, не существует такой медицинской статистики скрытых психозов. Но даже если их число будет чуть менее, чем в десять раз, превышать число явных психопатов и преступников, их небольшое относительно общей массы населения количество с лихвой компенсируется крайней

опасностью этих людей. Их умственное состояние сродни состоянию группы, пребывающей в коллективном возбуждении, и подчиняется пристрастным оценкам и желаниям-фантазиям. Когда такие люди находятся в своей среде, они приспособляются друг к другу и, соответственно, чувствуют себя, как дома. На своем личном опыте они познали "язык" ситуаций такого рода и знают, как ими управлять. Их идеи-химеры, подпитываемые фанатичным возмущением, вызывают к коллективной иррациональности и находят в ней плодородную почву; они выражают все те мотивы и все то недовольство, которые у более нормальных людей скрыты под покровом благоразумия и проницательности. А потому, несмотря на их малое в процентном отношении количество, они представляют собой как источники заразы большую опасность, именно потому, что так называемый нормальный человек обладает только ограниченным уровнем самопознания.

Большинство людей путает "самопознание" со знанием своей осознаваемой эго-личности. Любому человеку, у которого имеется хоть какое-то эго-сознание, не сомневается в том, что он знает самого себя. Но эго знает только свое содержимое, и не знает бессознательного и его содержимого. Люди определяют свое самопознание мерой знания о себе среднего человека из их социального окружения, но не реальными психическими фактами, которые, по большей части, скрыты от них. В этом смысле психе подобна телу, о физиологии и анатомии которого средний человек тоже мало что знает. Хотя рядовой человек и живет в теле и с телом, но большая его часть ему совершенно неизвестна, и для ознакомления сознания с тем, что известно о теле, требуется специальное научное знание. Я уже не говорю о том, что "не известно" о теле, но что, тем не менее, существует.

Значит то, что принято называть "самопознанием", на деле является очень ограниченным знанием, большая часть которого зависит от социальных факторов, от того, что происходит в человеческой психе. Поэтому-то у человека всегда возникает предубеждение, что определенные вещи происходят не "с нами", не "в нашей семье" или не с нашими друзьями и знакомыми. С другой стороны, у человека возникает не менее иллюзорное убеждение насчет наличия у него определенных качеств, и эта убежденность лишь скрывает истинное положение вещей.

В этом широкой зоне бессознательного, которая надежно защищена от критики и контроля сознания, мы совершенно беззащитны, открыты всем видам психического воздействия и психических инфекций. Как и при опасности любого другого типа, мы можем предотвратить риск психической инфекции только в том случае, если будем знать, что именно будет атаковать нас, а также, где, когда и каким образом произойдет нападение. Поскольку самопознание - это вопрос знания конкретных фактов, то теория здесь вряд ли может помочь. Ибо, чем больше теория претендует на свою универсальную истинность, тем меньше она способна послужить основанием для правильной оценки отдельных конкретных фактов. Любая основанная на житейском опыте теория неизбежно является *статистической*; она выводит *идеальную среднюю величину* и отвергает все исключения по обоим краям шкалы, заменяя их абстрактным смыслом. Эта теория вполне истинна, только в жизни дела идут не всегда в соответствии с ней. Несмотря на это, абстрактный смысл теории фигурирует в качестве незыблемого фундаментального факта. Любые исключения - крайности, хоть и являются не менее реальными, в теорию вообще не включаются, потому что опровергают друг друга. Например, если я вычислю вес каждого камушка на покрытом галькой пляже и получу средний вес в пять унций, то эта цифра мало что сможет мне сказать о реальной природе гальки. Любого, кто на основании моих изысканий решит, что сможет с первой попытки подобрать камешек весом в пять унций, ждет серьезное разочарование. И в самом деле, может случиться так, что и после долгих часов поисков он так и не найдет камушка весом точно в пять унций.

Статистический метод показывает нам факты в свете идеальной средней величины, но не дает нам представления об их эмпирической реальности. Несмотря на то, что средняя величина, вне всякого сомнения, отражает определенный аспект реальности, она может

самым коварным образом фальсифицировать истину. Это прежде всего относится к теориям, основанным на статистике. Между тем, отличительной чертой факта является его индивидуальность. Грубо говоря, реальная картина состоит только из исключений из правила и, соответственно, в абсолютной реальности полностью господствует *неправильность*.

Об этом следует вспоминать каждый раз, когда речь заходит о том, что теория может быть проводником на пути самопознания. Не существует и не может существовать никакого самопознания, основанного на теоретических предположениях, поскольку объектом этого познания является индивид - относительное исключение и феномен "неправильности". А потому, характерные черты индивида являются не универсальными и правильными, а, скорее, уникальными. Его следует воспринимать не как стандартную единицу, а как нечто уникальное и единственное в своем роде, что, в принципе, нельзя познать до конца и нельзя сравнить с чем-нибудь еще. В то же самое время, человек, как представитель рода человеческого, может и должен быть описан, как статистическая единица; в противном случае о нем нельзя будет сказать ничего общего. Для решения этой задачи его следует рассматривать как единицу сравнения. Результатом этого являются универсально правильные антропология и психология с абстрактной фигурой человека

Под воздействием научных предположений не только психе, но и индивидуальный человек и даже индивидуальные события становятся жертвами "уравниловки" и "стирания различий", которые искажают картину реальности, превращая ее в концептуальную среднюю величину. Мы не должны недооценивать психологическое воздействие статистической картины мира: она отвергает индивида, заменяя его безликими единицами, которые собирает в массовые формации. Вместо конкретного индивида мы имеем названия организаций и, как кульминацию, абстрактную идею Государства, как принципа политической реальности. При этом нравственная ответственность индивида неизбежно заменяется государственными интересами *raison d'etat* (Государственная необходимость, благо государства (фр.) - *Прим. ред.*). Вместо нравственной и умственной дифференциации индивидов мы имеем благосостояние общества и повышение жизненного уровня. Цель и смысл индивидуальной жизни (которая является единственной *реальной* жизнью) заключается уже не в индивидуальном развитии, а в политике Государства, которая навязывается индивиду извне и состоит в претворении в жизнь абстрактной идеи, которая имеет тенденцию притягивать к себе всю жизнь. Индивида все больше лишают права на принятие нравственного решения о том, как ему следует прожить его же собственную жизнь. Его кормят, одевают, обучают и дисциплинируют, как единицу общества, его селят в соответствующую единицу жилья и доставляют ему удовольствие и удовлетворение в той форме, в какой их воспринимает толпа. Правители, в свою очередь, являются такими же единицами общества, как и подданные, и отличаются от последних только тем, что представляют собой рупор государственной доктрины. Им совсем не обязательно обладать здравым смыслом, они могут просто быть хорошими специалистами, совершенно бесполезными вне области их специализации. Государственная политика определяет, что следует преподавать и что следует учить.

Сама всемогущая доктрина Государства отчасти становится жертвой манипулирующих в интересах государства людей, занимающих в правительстве самые высокие посты и сосредоточивших в своих руках всю власть. Любой человек, попавший, то ли путем честных выборов, то ли по прихоти судьбы, на один из таких постов, больше уже никому не подчиняется; он сам является "политикой государства" и может следовать в определенном им самим направлении. Вслед за Людовиком XIV он может сказать: "Государство - это я". Стало быть, он является единственным или, по крайней мере, одним из тех очень немногих индивидов, которые могли бы использовать свою индивидуальность, если бы только знали, как отделить себя от доктрины Государства. Однако, они, как правило, являются рабами своих собственных измышлений. Подобная однобокость всегда психологически компенсируется бессознательными подрывными

тенденциями. Рабство и бунт неотделимы друг от друга. В результате борьба за власть и крайняя подозрительность пронизывают весь организм от верхушки до самого низа. Более того, стремясь компенсировать свою хаотическую бесформенность, масса всегда порождает "вождя", который, как учит нас история, неизбежно становится жертвой своего же непомерно раздутого эго-сознания.

Такое развитие событий становится логически неизбежным в тот момент, когда индивид соединяется с массой и перестает быть индивидом. Помимо агломерации огромных масс, в которых индивид растворяется в любом случае, одной из главных причин психологического массового сознания является научный рационализм, который лишает личность основ ее индивидуальности и ее достоинства. Как социальная единица, личность утрачивает свою индивидуальность и становится простой абстрактной статистической величиной. Она может играть только роль легко заменяемой и совершенно незначительной "детали". Если на нее смотреть со стороны и рационально, то именно этим она и является, и с этой точки зрения совершенно абсурдными будут рассуждения о ценности или значении индивида. И в самом деле, вряд ли можно себе представить, как у человека может быть индивидуальная достойная жизнь, если истинность прямо противоположного утверждения ясна, как божий день.

Если смотреть на индивида с этой точки зрения, то его значение действительно уменьшается, и любой, кто захочет оспорить это положение, быстро обнаружит нехватку аргументов. Тот факт, что индивид ощущает себя самого или членов своей семьи, или близких друзей значительными личностями, только подчеркивает несколько комичную субъективность его ощущений. Ибо, что значат несколько людей по сравнению с десятью тысячами или сотней тысяч, не говоря уже о миллионе? Мне вспоминается глубокомысленное высказывание одного моего приятеля, с которым мы застряли в огромной толпе. Он тогда неожиданно воскликнул: "Вот тебе самое надежное основание для неверия в бессмертие: вся эта куча народу хочет быть бессмертной!"

Чем больше толпа, тем ничтожнее индивид. И если индивида переполнит ощущение собственной незначительности и бессилия, и он почувствует, что его жизнь утратила смысл - который, в конце концов, не тождественен благосостоянию общества и высокому уровню жизни - значит он уже близок к тому, чтобы стать рабом Государства и, сам того не желая и не подозревая, его горячим приверженцем. Человеку, взгляд которого обращен только во внешний мир, и который съезживается при виде "больших батальонов", нечего противопоставить той информации, которую ему сообщают его органы чувств и его разум. Именно это сейчас и происходит: мы все заворожено преклоняемся перед статистическими истинами и большими числами; нам ежедневно сообщают о ничтожности и тщетности индивидуальной личности, если она не представлена и не персонифицирована какой-либо массовой организацией. И наоборот, те персонажи, которые с важным видом расхаживают по мировой сцене и голоса которых доносятся до всех и каждого, некритически мыслящей публике представляются вознесенными наверх на волне какого-нибудь массового движения или общественного мнения. Поэтому толпа либо аплодирует им, либо проклинает. Поскольку здесь доминирующую роль играет массовое мышление, то нет уверенности в том, выражают ли эти люди свое мнение, за которое они несут персональную ответственность, или же они являются всего лишь рупором, выражающим мнение коллектива.

В таких условиях вряд ли можно удивляться тому, что индивиду все труднее сформировать мнение о самом себе, и что ответственность стала максимально коллективной, то есть индивид снял ее с себя и делегировал коллективу. Таким образом, индивид все больше и больше становится функцией общества, которое, в свою очередь, узурпирует функции носителя реальной жизни, хотя, на самом деле, общество есть ни что иное, как абстрактная идея, вроде идеи Государства. Обе эти идеи овеществлены то есть стали автономными. Государство, в особенности, стало полуодушевленным существом, от которого все всего ждут. На самом же деле, оно - это всего лишь камуфляж для тех

индивидов, которые знают, как им манипулировать. Так что конституционное Государство сползает в примитивную форму общества - форму коммунизма первобытного племени, где каждый является субъектом автократического правления вождя или олигархии.

2. Религия, как противовес массовому сознанию

Чтобы дать полную волю этой "фикции" суверенного Государства - иными словами, прихотям манипулирующих ею вождей - все социополитические течения, движущиеся в этом направлении, неизменно пытаются выбить почву из под ног религии. Ибо, чтобы превратить индивида в "клеточку" Государства, необходимо сделать так, чтобы он полагался только на государство и ни на что другое. Смысл религии заключается в том, что человек полагается на иррациональные факты и подчиняется им. Эти факты не относятся впрямую к социальным и физическим условиям; в гораздо большей степени они касаются психической позиции индивида.

Но занять какую-либо позицию по отношению к внешним условиям можно только в том случае, если за пределами этих условий существует некая контрольная точка. Религия предоставляет (или претендует на это) такую точку, тем самым давая индивиду возможность высказывать суждение и принимать решение. Она создает резерв против реальной и неотвратимой силы обстоятельств, перед которой беззащитен любой человек, живущий только во внешнем мире и не имеющий никакой другой "почвы" под ногами, кроме тротуара. Если кроме статистической реальности не существует никакой другой, то тогда сила, авторитет, власть тоже существуют в единственном числе. Значит существует только одно условие, а раз никакого противоположного условия нет, то суждение и решение являются не только излишними, но и невозможными. Тогда индивид просто не может не стать статистической единицей и, значит, "клеточкой" Государства или любого другого абстрактного принципа порядка.

Однако, религия говорит о существовании силы, авторитета, власти, противостоящих аналогичным "мирским" вещам. Доктрина зависимости индивида от Бога предъявляет к нему такие же претензии, как и "мирская" доктрина. Бывает и такое, что абсолютность этих притязаний отчуждает человека от мира точно так же, как индивид отчуждается от самого себя, когда поддается коллективному мышлению. Как в первом, так и во втором случае, он может лишиться своей способности высказывать суждение и принимать решение. Религия откровенно стремится к этой цели, если только не приходит к компромиссу с Государством. Если такой компромисс имеет место, то я предпочитаю называть ее уже не "религией", а "вероисповеданием". Убеждения являются выражением определенной коллективной веры, в то время, как слово "религия" выражает субъективную связь с определенными метафизическими, внеземными факторами. Убеждения являются символом веры, предназначенным, главным образом, для мира в целом и потому представляют собой чисто земную вещь, в то время, как смысл и цель религии заключаются в связи индивида с Богом (христианство, иудаизм, ислам) или в движении к спасению и освобождению (буддизм). Из этого основополагающего факта вытекает вся нравственность, которую, при отсутствии ответственности индивида перед Богом, нельзя было бы назвать иначе, как обычной моралью.

Поскольку компромиссы с мирской действительностью существуют, то вероисповедования считают своим долгом предпринять основательную систематизацию своих взглядов, доктрин и обычаев, и в ходе этого процесса до такой степени овеществляются, что их подлинно религиозный элемент - живая связь и непосредственное сличение с внемирским - вытесняется на задний план. Отдельное вероисповедание измеряет ценность и значимость субъективных религиозных отношений по стандартам традиционной доктрины, и если эти стандарты не особо соблюдаются, как в протестанстве, сразу же начинаются разговоры о ханжестве, сектанстве, эксцентричности

и тому подобных вещах, стоит только кому-то заявить, что его ведет воля Божья. "Вероучение" соединяется с официальной Церковью или, по крайней мере, они создают общественную организацию, членами которой являются не только истинно верующие, но и огромное количество людей, о которых можно сказать, что они "безразличны" к религии и связаны с ней только силой привычки. Здесь разница между вероучением и религией становится вполне осязаемой.

Стало быть, следование вероучению не всегда представляет собой религиозное явление, гораздо чаще это явление социальное и, как таковое, не может дать индивиду никакой прочной основы. Чтобы иметь прочную почву под ногами, индивид должен полагаться исключительно на свою связь с силой, не принадлежащей к этому миру. Здесь критерием является не заявления о наличии убеждений, а психологический факт того, что жизнь индивида определяется не только его и его мнением, или социальными факторами, но в равной, если не большей степени и трансцендентальной силой. В основе свободы и автономности индивида лежат не этические принципы (какими бы возвышенными они не были) и не убеждения (пусть даже самые твердые), а всего лишь простое эмпирическое осознание, непередаваемое ощущение очень личной, взаимной связи между человеком и внеземной силой, которая действует, как противовес "миру" и его "разуму".

Эта формулировка не понравится ни человеку толпы, ни стороннику коллективной веры. Для первого, политика Государства является главенствующим принципом мышления и действия. Человек толпы видит перед собой только эту цель и признает за индивидом право на существование только в том случае, если последний является "клеточкой" Государства. С другой стороны, верующий, хоть и признает, что находится в нравственном и фактическом долгу перед Государством, но придерживается убеждения, что не только человек, но и повелевающее им Государство является подданным "Бога", и что в спорных случаях последнее слово остается за Богом, а не за Государством. Поскольку я не расположен высказывать какие-либо метафизические суждения, я оставляю открытым вопрос о том, является ли "мир", то есть феноменальный мир человека и, стало быть, природа вообще, "противоположностью" Богу или нет. Я могу только указать на тот факт, что психологическое противостояние между этими двумя царствами ощущений не только подтверждается в Новом Завете, но и вполне определенно проявляется в наше время в отрицательном отношении диктаторских Государств к религии и в отрицательном отношении Церкви к атеизму и материализму.

Если человек, будучи существом общественным, не может долгое время существовать в отрыве от общества, то и для индивида истинным оправданием его существования и его духовной и нравственной автономности является только внеземной принцип, способный релятивизировать всемогущество внешних факторов. Личность, корни которой не уходят в Бога, не может самостоятельно сопротивляться физическим и нравственным соблазнам этого мира. Для этого ей нужно внутреннее, трансцендентальное ощущение, которое только и может защитить ее от неизбежного растворения в массе. Обычное интеллектуальное или даже нравственное понимание тупости и нравственной безответственности человека толпы является всего лишь негативным одобрением и не более чем остановкой на пути к растворению индивидуальности. В этом понимании отсутствует яростная сила религиозной веры, поскольку оно является обычной рациональной вещью. У диктаторского Государства есть одно очень большое преимущество перед буржуазным разумом: вместе с индивидом оно проглатывает и его религиозные силы. Государство занимает место Бога; именно поэтому социалистические диктатуры, если смотреть на них под этим углом зрения, религиозны, а государственное рабство является формой культа. Но религиозная функция не может быть устранена и сфальсифицирована без того, чтобы не дать пищи для тайных сомнений, которые немедленно подавляются, чтобы избежать конфликта с доминирующим стремлением к массовому сознанию. Результатом, как и всегда в таких случаях, является чрезмерная компенсация в форме *фанатизма*, который, в свою очередь, используется, как оружие

подавления малейших проявлений сопротивления. Независимым суждениям не дают хода, а нравственное решение безжалостно подавляется под предлогом того, что цель оправдывает средства, даже самые гнусные. Интересы Государства возводятся в ранг веры, вождь или партийный начальник превращается в полубога, на которого не распространяются понятия добра и зла, а его жрецов славят, как героев, мучеников, апостолов, миссионеров. Существует только *одна* истина и никакой другой. Она священна и неприкосновенна. Любой, кто думает по-другому, является еретиком, которому, как мы знаем из истории, угрожают всем набором весьма неприятных вещей. Только партийный хозяин, в руках которого находится политическая власть, имеет право толковать государственную доктрину, что он и делает к своей выгоде.

Когда под воздействием "массового правления" индивид становится единицей общества под определенным номером, а Государство возводится в ранг высшего принципа, то не стоит удивляться тому, что религиозная функция тоже попадает в этот водоворот. Религия, в качестве внимательного наблюдения за определенными невидимыми и неконтролируемыми факторами и принятия их в расчет, является свойственной только человеку *инстинктивной* позицией, проявления которой можно наблюдать на всем протяжении истории человечества. Ее очевидной целью является сохранение психического равновесия, поскольку естественный человек обладает не менее естественный "знанием" того факта, что функции его сознания могут в любое время спастись перед неконтролируемыми событиями, происходящими как внутри, так и снаружи его. По этой причине он всегда заботится о том чтобы соответствующими мерами религиозного характера обезопасить любое трудное решение, которое, скорее всего, будет иметь определенные последствия для него самого и для других людей. Невидимым силам приносятся жертвы, даются страшные клятвы и отправляются всевозможные торжественные ритуалы. Везде и во все времена существовали *rites d'entrée et de sortie* (Ритуалы входа и выхода (фр.) - *Прим. ред.*), на которые рационалисты, неспособные на психологическое прозрение, смотрели, как на магию и суеверие. Но магия, прежде всего, имеет психологический эффект, важность которого не следует недооценивать. Свершение "магического" действия дает человеку чувство безопасности, которое абсолютно необходимо для претворения в жизнь принятого решения, потому что решение неизбежно является несколько однобоким, а потому совершенно справедливо рассматривается, как риск. Даже диктатор считает нужным не только сопровождать свои государственные деяния угрозами, но и обставлять их всевозможными торжествами. Духовые оркестры, флаги, знамена, парады и чудовищных размеров демонстрации в принципе ничем не отличаются от церковных процессий, канонад и фейерверков, которыми отпугивают демонов. Только впечатляющая демонстрация мощи Государства порождает коллективное чувство безопасности, которое, в отличие от религиозных шествий, не дает индивиду никакой защиты от его внутренних демонов. Поэтому он все больше и больше будет цепляться за Государство, то есть за массу, тем самым подчиняя себя ей, как психически, так и нравственно, нанося последний штрих на картину своего обезличивания. Государство, как и Церковь, требует энтузиазма, самопожертвования и любви, и если религия требует или предполагает "страх перед Богом", то диктаторское Государство прилагает все усилия к тому, чтобы обеспечить надлежащее количество страха.

Когда рационалист направляет свой основной удар на волшебный эффект ритуала, о котором говорит традиция, то на самом деле он попадает пальцем в небо. Он упускает из виду самое главное - *психологический эффект*, несмотря на то, что и религия, и государство используют его в своих диаметрально противоположных целях. Та же самая ситуация обнаруживается и при рассмотрении концепции цели религии и концепции цели государства. Цели религии - освобождение от зла, примирение с Богом, вознаграждение в загробной жизни и так далее - у государства превращаются в земные обещания освобождения от ежедневной заботы о хлебе насущном, справедливого распределения

материальных благ, всеобщего процветания в будущем и более короткого рабочего дня. Тот факт, что до исполнения этих обещаний так же далеко, как до Рая, является всего лишь еще одной аналогией и подчеркивает то, что массы переключены с внеземной цели на чисто мирскую веру, которую они исповедуют с точно таким же религиозным рвением и фанатизмом, какие свойственны приверженцам противоположной доктрины.

Чтобы не повторяться без нужды, я не буду проводить все параллели между верованиями мирскими и не от мира сего, а удовольствуюсь привлечением внимания читателя к тому факту, что существующая изначально естественная функция, а именно такой является функция религии, не может быть отменена рационалистически мыслящими и так называемыми "просвещенными" критиками. Они, разумеется, могут представить содержание доктрин веры, как невозможное, и подвергнуть их осмеянию, но при этом они упускают главное и никак не задевают религиозную функцию, которая составляет основу веры. Религия, как осознанное почтение к иррациональным факторам психе и индивидуальной судьбы, проявляется (в дьявольски искаженном виде) в обожествлении Государства и диктатора:

Naturam expellas furca tamen usque recurret (Ты можешь гнать Природу вилами, но она обязательно вернется). Вожди и диктаторы, правильно оценив ситуацию, отчаянно стараются скрыть под толстым слоем грима слишком явную аналогию с обожествлением Цезаря и спрятать свою реальную власть под фикцией Государства, хотя от этого ничего не меняется. (Весной 1956 г., уже после того, как была написана эта статья, в СССР наблюдалась заметная реакция на это достойное сожаления положение вещей. - *Прим. К.Г.Юнга.*)

Как я уже указал, диктаторское Государство, помимо лишения индивида его прав, также выбивает почву у него из под ног в психическом смысле, разрушая метафизическую основу его существования. Нравственный выбор индивидуальной человеческой сущности больше не принимается во внимание - значение имеет только слепое движение масс, а *ложь* становится основным принципом политической деятельности. Государство сделало из этого логичный вывод, о чем молчаливо свидетельствует бытие многих миллионов рабов Государства, полностью лишенных всех прав.

И диктаторское Государство, и организованная религия делают особое ударение на идее *коллективизма*. Это - основной идеал "коммунизма", и его так отчаянно запикивают людям в глотку, что это приводит к результату, прямо противоположному ожидаемому: он дает пищу для раскола и недоверия. Церковь, для которой этот идеал имеет не меньшее значение, представляется мечтой коллектива, а там, где церковная организация явно слаба (например, в протестанстве), обидная нехватка единства заменяется верой в "коллективное ощущение" или надеждой на него. Не составляет труда увидеть, что "коллективизм" незаменим при организации масс и, стало быть, является обоюдоострым оружием. Точно так же, как сумма многих нулей все равно никогда не даст единицу, так и ценность коллектива зависит от духовного и нравственного состояния составляющих его индивидов. Поэтому никак нельзя рассчитывать на то, что воздействие коллектива перевесит мощное влияние окружающей среды - то есть реальные и фундаментальные перемены (как к лучшему, так и к худшему), происходящие в индивидах. Такие перемены могут быть только результатом личных отношений между людьми, а не коммунистического или христианского крещения *en masse* (Целиком, поголовно (фр.) - *Прим. ред.*), которое никак не задевает внутреннего человека. Поверхностность результатов пропаганды "общины" доказывают недавние события в Восточной Европе (Это фраза была дописана в 1957 г. — *Изд.*). Идеал "общины" является крупным заблуждением, поскольку не принимает в расчет индивидуальное человеческое существо, которое, рано или поздно, заявит о своих правах.

3. Позиция Запада по вопросу религии

Столкнувшись с таким развитием событий на двадцатом веке существования христианской эры, Западный мир оглядывается на свое наследие - римское право, сокровища иудаистско-христианской этики, корни которых уходят в метафизику, и на концепцию неотъемлемых прав человека. В тревоге он задает себе вопрос: Каким образом можно застопорить это развитие или повернуть его в обратном направлении? Ставить социалистическую диктатуру к позорному столбу, объявлять ее утопией, высмеивать ее экономические принципы, как неразумные - дело бесполезное, потому что, во-первых. Запад высказывает свои критические замечания самому себе, его аргументы слышны только по его сторону Железного Занавеса, а, во-вторых, вы можете претворить в жизнь любые экономические принципы, которые вам по душе, если вы готовы принести связанные с этим жертвы. Вы можете провести любые милые вашему сердцу социальные и экономические реформы, если, подобно Сталину, вы можете уморить голодом три миллиона крестьян (Реальная цифра гораздо больше - *Прим. перев.*) и иметь в своем распоряжении несколько миллионов голов бесплатной рабочей силы. Государству такого рода не страшны никакие социальные или экономические кризисы. Пока сила этого государства не подорвана - то есть, пока в нем имеется дисциплинированная, сытая и готовая выполнять полицейские функции армия - оно может существовать неопределенно долго и может увеличивать свою власть до немыслимых пределов. Благодаря чрезмерно высокому уровню рождаемости, оно может произвольно наращивать количество бесплатной рабочей силы, чтобы иметь возможность конкурировать со своими соперниками и не зависеть от мирового рынка, который в значительной степени зависит от уровня зарплат. Реальная опасность может прийти только извне, в форме военного нападения. Но возможность такого развития событий с каждым годом уменьшается, во-первых, потому что постоянно увеличивается военный потенциал диктаторских государств, а во-вторых, потому что Запад не может себе позволить пробудить дремлющий национализм и шовинизм русских и китайцев, предприняв нападение, которое даст результат, прямо противоположный ожидаемому.

Итак, пока что можно говорить только об одной возможности, а именно, о разрушении такого государства изнутри, которое, однако, должно явиться следствием его же внутреннего развития. В настоящее время любое воздействие извне не принесло бы особой пользы, принимая во внимание существующие меры безопасности и опасность националистической реакции. Абсолютистское Государство располагает армией фанатичных миссионеров, которых оно может использовать для осуществления своей внешней политики, а те, в свою очередь, могут рассчитывать на "пятую колонну", которая надежно защищена законами и конституциями западных государств. В добавок к этому, коллективы "верующих", обладающие большим влиянием на местах, в значительной степени[^] ослабляют способность западных правительств принимать решения, в то время, как Запад не имеет никакой возможности оказать подобное влияние на противоположную сторону, хотя у нас есть основания для предположения о наличии определенного сопротивления в странах Восточного блока. В любой стране имеются гордые и стремящиеся к истине люди, которым ненавистны ложь и тирания, но нельзя сказать, могут ли эти люди оказать решающее влияние на массы в условиях полицейского режима. (Недавние события в Польше и Венгрии показали, что это сопротивление гораздо значительнее, чем это можно было себе представить. Прим.К-Г.Юнга.)

В такой неблагоприятной ситуации люди на Западе вновь и вновь задаются вопросом: Каким образом мы можем справиться с идущей с Востока опасностью? Несмотря на то, что Запад обладает серьезной индустриальной мощью и располагает значительным оборонным потенциалом, мы не можем почивать на лаврах, потому что знаем, что даже горы оружия и самая развитая индустрия в сочетании с относительно высоким уровнем жизни не в состоянии справиться с психической инфекцией, распространяемой религиозным фанатизмом.

К сожалению, Запад пока еще не, осознал того факта, что наши, произносимые с таким энтузиазмом, призывы к высоким идеалам, благоразумию и прочим желательным качествам являются гласом вопиющего в пустыне. Это всего лишь легкий ветерок, исчезающий в урагане религиозной веры, какой бы дикой нам не казалась эта вера. Мы оказались в ситуации, которую можно разрешить не с помощью рациональных или нравственных аргументов, а посредством высвобождения эмоциональных сил и идей, порожденных духом времени; а эти последние, как мы знаем по опыту, не очень-то зависят от рациональных размышлений и еще в меньшей степени - от призывов к нравственности. Во многих кругах уже пришли к пониманию того, что в данном случае противоядием должна быть только не менее сильная вера другого и нематериалистического типа, и что основанная на ней религиозная позиция будет единственной надежной защитой от опасности психического заражения. К несчастью, маленькое словосочетание "должна быть", которое всегда возникает в этой связи, указывает на определенную слабость, если не на отсутствие этого желательного качества. Западу не только не достает единой веры, которая могла бы остановить продвижение фанатической идеологии, но, будучи отцом марксистской философии, он использует те же самые интеллектуальные предположения, те же самые аргументы и те же самые цели. Хотя любая Церковь на Западе пользуется полной свободой, но ее существование имеет не больший и не меньший смысл, чем существование любой Церкви в странах Востока. И те, и другие не оказывают какого-либо значительного воздействия на политику в целом. Недостаток вероучения, как общественной институции заключается в том, что оно является слугой двух господ: с одной стороны, оно обязано своим существованием связи человека с Богом, а с другой, у него есть обязанность перед Государством, то есть миром, в связи с чем оно может апеллировать к постулату "Кесареву - кесарево" и к другим изречениям из Нового Завета.

Поэтому, с древности и вплоть до не таких уж далеких времен шли разговоры о том, что "власти от Бога установлены" (Римлянам 13:1). В наше время эта концепция устарела. Церкви защищают традиционные и коллективные убеждения, которые для многих из их сторонников строятся уже не на их собственных внутренних ощущениях, а на *бездумной вере*, которая печально известна тем, что исчезает, как только над ней начинают задумываться. В этом случае содержание веры приходит в столкновение со знанием, и зачастую оказывается, что иррациональность первой не может устоять перед натиском рациональности второго. Вера не является адекватным заменителем внутреннего ощущения, и там, где оно отсутствует, даже сильная вера, возникшая чудесным образом, словно божья благодать, таким же чудесным способом может и исчезнуть. Люди называют веру истинным религиозным ощущением, но они не перестают считать, что, на самом деле, оно является вторичным феноменом, возникающим из чего-то, что случилось с нами раньше и вселило в нас доверие и верность. Это ощущение обладает определенным содержанием, которое может быть истолковано категориями той или иной организованной религии. Однако, чем активнее идет этот процесс, тем больше вероятность конфликта со знанием, в котором нет никакого смысла. Итак, организованные религии находятся на устаревших позициях; они полны впечатляющих мифологических символов, которые, если воспринимать их буквально, приходят в невыносимый, конфликт со знанием. Но если, например, утверждение о том, что Христос восстал из мертвых, понимать не буквально, а символически, тогда оно может быть объектом для различных толкований, которые не будут вступать в конфликт со знанием и не исказят смысл самого утверждения. Возражение, что символическое понимание этого утверждения кладет конец христианской вере в бессмертие, по самой своей сути убого, потому что задолго до пришествия христианства человечество верило в жизнь после смерти и, стало быть, ему не была нужна никакая гарантия бессмертия в форме праздника Пасхи. Опасность того, что слишком буквальное понимание мифологии в той форме, в какой ее преподносит Церковь, неожиданно приведет к ее полному отрицанию, в наше время велика, как

никогда. Не пора ли начать понимать христианскую мифологию символически, чтобы предотвратить ее полное уничтожение?

Пока еще слишком рано говорить о том, какие могут быть последствия общего признания губительной аналогии между Государственной религией Марксистов и Государственной религией Церкви. Абсолютистская претензия на то, что *Civitas Dei* (* Божье Государство (лат.) - Прим. ред.) может быть представлено человеком, печально напоминает "божественность" Государства, а нравственный вывод, сделанный Игнатием Лойолой, исходя из авторитета Церкви ("цель оправдывает средства"), служит чрезвычайно опасным оправданием лжи, как инструмента политики. И Церковь и Марксизм требуют безоговорочной веры, тем самым ограничивая свободу человека, одно ограничивает его свободу в отношениях с Богом, а другое - в отношениях с Государством, вырывая, тем самым, могилу индивидуальности. Хрупкому существованию этого - насколько нам известно - уникального носителя жизни угрожают с обеих сторон, несмотря на соответствующие обещания грядущих духовной и материальной идиллии. И сколько из нас сумеет устоять перед мудростью пословицы "лучше синица в руках, чем журавль в небе"? Кроме того, Запад лелеет то же самое "научное" и рационалистическое мировоззрение, с его склонностью к статистической уравниловке и материалистическим целям, что и господствующая в странах Восточного блока религия Государства, о чем я уже говорил выше.

В таком случае, что же Запад, с его политическими и церковными ересями, может предложить попавшему в трудное положение современному человеку? К сожалению, ничего, кроме различных тропинок, ведущих к одной и той же цели, которая практически ничем не отличается от идеала марксизма. Не нужно никаких особых умственных усилий для того, чтобы понять, откуда коммунистическая идеология черпает свою уверенность в том, что время работает на нее, и что мир созрел для преобразований. Известные факты не оставляют никакой возможности для сомнений. Нам, на Западе, не станет легче, если мы закроем глаза на это и не осознаем нашей смертельно опасной уязвимости. Любой, кто однажды полностью подчинился коллективной вере и отказался от своего вечного права на свободу и от своего не менее вечного долга индивидуальной ответственности, будет упорно цепляться за эту позицию и будет способен с точно такой же верой и таким же отсутствием критического подхода маршировать в обратном направлении, если другая и внешне "лучшая" вера будет навязана его мнимому идеализму. Что в недавнем прошлом произошло с цивилизованной европейской нацией? Мы обвиняем немцев в том, что они уже обо всем этом забыли, но истина состоит в том, что мы не можем быть уверены, что нечто подобное не могло произойти в каком-нибудь другом месте. Ничего удивительного не было бы в том, если бы так оно и было, и какая-нибудь другая цивилизованная нация заразилась бы однобокой идеей единообразия. Позволю себе задать вопрос: какие страны имеют самые большие коммунистические партии? Америка, которая - *O quae mutatio rerum!* (О, какие перемены! - Прим. ред.) - представляет собой истинный политический хребет Западной Европы, вроде бы выработала иммунитет, благодаря занятой ею откровенно противоположной позиции, но на самом деле она, вероятно, еще более уязвима, чем Европа, поскольку ее система образования в наибольшей степени подвергается воздействию научного мировоззрения с его статистическими истинами, а ее состоящему из представителей многих национальностей населению трудно пустить корни в землю, у которой практически нет истории. Исторический и гуманитарный тип образования, столь необходимый в таких условиях, находится на положении Золушки. Хотя Европа и отвечает этому последнему требованию, она использует это образование себе во вред, разжигая национальный эгоизм и парализующий скептицизм. И тому, и другому свойственна материалистическая и коллективистская цель, и им обоим недостает того самого, что выражает и захватывает человека целиком, а именно, идеи, которая ставит в центр всего индивидуальное человеческое существо, как меру всех вещей.

Уже одной этой идеи достаточно для того, чтобы пробудить самые сильные сомнения и самое отчаянное сопротивление, и человек сможет практически подойти к утверждению о том, что ценность индивида по сравнению с большими числами - это единственная вера, которая достойна всеобщего и единодушного одобрения. Еще бы, мы ведь все говорим о том, что наш век - это век простого человека, что он является хозяином земли, воды и воздуха, и что его решение определяют историческую судьбу наций. К сожалению, эта великолепная картина человеческого величия является иллюзией, не имеющей ничего общего с реальностью. В реальности человек является рабом и жертвой машин, которые помогли ему покорить пространство и время; он запуган и поставлен в опасное положение военной технологией, которая, по идее, должна оберегать его физическое существование; его духовной и нравственной свободе, хоть и гарантируемой в определенных пределах в половине стран нашего мира, угрожает хаотическая дезориентация, а в другой половине мира эта свобода полностью отменена. Наконец, у этой трагедии есть и комический аспект - этому повелителю стихий, этому вселенскому арбитру милее всего теории, провозглашающие бесполезность его достоинства и абсурдность его независимости. Все его достижения и приобретения не делают его больше; напротив, они уменьшают его, ярким примером чего является судьба заводского рабочего, живущего под законом "справедливого" распределения материальных ценностей. За свою "долю" фабрики он расплачивается утратой личного имущества, свою свободу перемещения он меняет на сомнительное удовольствие прикрепленности к месту своей работы, он лишается всех возможностей улучшить свое положение, если не желает "гореть на работе", и если он проявляет какие-то признаки ума, ему в глотку запикивают политические наставления, и ему еще повезет, если это будет сделано хоть с каким-то знанием дела. Впрочем, не следует плевать на кров и хлеб насущный, когда человека в любой день могут лишить всех жизненно необходимых вещей.

4. Понимание индивидом самого себя

Просто поразительно, что человек, зачинщик, организатор и движущая сила всех этих достижений, дающий начало всем суждениям и решениям, планирующий будущее, должен превращать себя в такую *quantite negligeable* (Ничтожная величина (фр.) - Прим. ред.). Это противоречие, эта парадоксальная оценка человечества самим человеком является воистину объектом для удивления и может быть объяснена только крайней неуверенностью в суждениях - иными словами, человек является загадкой для самого себя. Это можно понять, принимая во внимание то, что ему недостает средств сравнения, необходимых для самопознания. Он знает, чем он отличается от других животных в смысле анатомии и физиологии, но, как обладающее сознанием, наделенное речью, размышляющее существо, он не имеет никаких критериев самооценки. На этой планете он является уникальным феноменом, который ни с чем нельзя сравнить. Возможность сравнения и, отсюда, самопознания, появилась бы только в том случае, если бы он смог установить отношения с человекоподобными млекопитающими, населяющими другие звезды.

Пока этого не произойдет, человек вынужден продолжать напоминать отшельника, который знает, что в смысле сравнительной анатомии он близок антропоидам, но явно отличается от своих братьев меньших в смысле психе. Именно эту самую важную отличительную черту своего вида он не может познать и потому остается загадкой для самого себя. Различные степени самопознания в пределах своего собственного вида не имеют большого значения по сравнению с теми возможностями, которые открылись бы при встрече с созданием другого происхождения, но обладающим сходной структурой. Наша психе, которая несет основную ответственность за все исторические изменения, нанесенные рукой человека на лик этой планеты, остается неразрешимой головоломкой и непостижимым чудом, объектом постоянных задумчивых размышлений - чем она

напоминает все тайны Природы. Что касается последней, то у нас еще есть надежда совершить больше открытий и найти ответы на самые трудные вопросы. Что до психе и психологии, то здесь наблюдаются странные сомнения. Она не только является самой молодой из эмпирических наук, но еще и испытывает огромные трудности с тем, чтобы хотя бы подобраться к предмету своих исследований.

Чтобы освободить наше представление о мире от предрассудков геоцентризма, был нужен Коперник, и для того, чтобы освободить психологию, тоже потребуются отчаянные усилия почти революционного характера. Прежде всего, психологию следует освободить от гипноза мифологических идей, а затем от предубежденного мнения, что психе является, с одной стороны, эпифеноменом происходящего в мозгу биохимического процесса, а с другой, исключительно личным делом. Связь с мозгом сама по себе не может служить доказательством того, что психе является эпифеноменом, вторичной функцией, причинно связанной с происходящим в физическом субстрате биохимическим процессом. Тем не менее, мы слишком хорошо знаем, насколько психическую функцию могут расстроить проходящие в мозгу вполне доказуемые процессы, и это факт настолько впечатляет, что вывод о вторичности природы психе представляется почти неизбежным. Однако, феномены парапсихологии призывают нас к осторожности, поскольку они указывают на релятивизацию пространства и времени посредством психических факторов, что ставит под сомнение наше наивное и слишком поспешное объяснение их категориями психофизической параллельности. Во имя этого объяснения люди с ходу отрицают открытия парапсихологии, либо по философским причинам, либо из умственной лености. Вряд ли это можно считать научно ответственным подходом, несмотря на то, что это очень популярный выход из чрезвычайно сложной интеллектуальной ситуации. Чтобы оценить психический феномен, мы должны принять во внимание все другие сопутствующие ему феномены и, соответственно, мы не можем больше признавать любую психологию, которая игнорирует существование бессознательного или парапсихологии.

Структура и физиология мозга совсем не объясняют психический процесс. "Psyche" обладает специфической природой, которую нельзя свести к чему-либо другому. Как и физиология, она представляет собой относительно замкнутое поле ощущений, которому мы обязаны придавать особое значение, поскольку оно включает в себя одно из двух обязательных условий существования, как такового, а именно, феномен сознания. Без сознания не было бы, практически говоря, никакого мира, потому что мир существует для нас только в той степени, в какой его осознанно отражает психе. *Сознание есть предварительное условие бытия.* Итак, психе возведена в ранг космического принципа, который и философски, и фактически ставит ее в равное положение с принципом физического бытия. Носителем этого сознания является индивид, который не создает психе по своему желанию, а, напротив, формируется ею и вскармливается постепенным пробуждением сознания во время своего детства. Стало быть, если психе обладает огромной эмпирической важностью, то так же важен и индивид, который является единственным непосредственным проявлением психе.

По двум причинам этому факту нужно уделить особое внимание. Во-первых, индивидуальная психе, именно в силу своей индивидуальности, представляет исключение из статистического правила и, стало быть, подвергаясь уравнивающему воздействию статистической оценки, теряет одну из своих основных характеристик. Во-вторых, Церкви допускают важность индивида только тогда, когда он признает их догмы - иными словами, когда он подчиняется коллективной категории. В обоих случаях стремление к индивидуальности считается эгоистическим упрямством. Наука отмахивается от него, как от субъективизма, а Церковь осуждает его, как нравственную ересь и духовную гордыню. Что до последнего обвинения, то не следует забывать - в отличие от других религий, христианство предъявляет нам символ, содержанием которого является индивидуальный образ жизни человека, Сына Человеческого, более того, оно даже рассматривает это

процесс индивидуации как инкарнацию и проявление самого Бога. Значит, развитие самости приобретает значение, полный масштаб которого трудно переоценить, потому что излишняя сосредоточенность на внешнем мире блокирует путь к непосредственному внутреннему ощущению. Если бы автономность индивида не была бы тайным желанием многих людей, то она вряд ли смогла бы пережить, как в нравственном, так и в духовном смысле, подавление коллективностью.

Все эти препятствия затрудняют правильную оценку человеческой психе, но они не имеют большого значения, за исключением одного примечательного факта, о котором следует упомянуть. Психиатры хорошо знают, что недооценка психе и прочие методы сопротивления психологическому просвещению в значительной степени основаны на страхе - паническом страхе открытий, которые могут быть сделаны в царстве бессознательного. Этот страх наблюдается не только у людей, которых испугала нарисованная Фрейдом картина бессознательного; их также беспокоит сам основатель психоанализа, который признался мне, что из его теории сексуальности необходимо было сделать догму, потому что это был единственный надежный бастион разума на пути возможного "вторжения темных сил оккультизма". Этими словами Фрейд выражал свое убеждение, что в бессознательном по-прежнему таится много вещей, которые могут привести к "оккультному" их толкованию, что имеет место в действительности. Эти "рудименты" или архетипические формы, основанные на инстинктах и их выражающие, обладают сверхъестественным качеством, которое иногда вызывает страх. Они неистребимы, ибо представляют основание самой психе. Их нельзя постичь разумом, и если уничтожается одно их проявление, они возникают уже в другой форме. Именно этот страх бессознательного не только мешает самопознанию, но и является самым серьезным препятствием на пути к более широкому пониманию и знанию психологии. Зачастую этот страх настолько велик, что человек не решается признаться в нем даже самому себе. Вот вопрос, к которому любой религиозный человек должен отнестись очень серьезно; ответ на него может быть истинным озарением.

Научно ориентированная психология ограничивается, ведя себя абстрактно; то есть она старается не потерять объект из виду, дистанцируясь от него на как можно большее расстояние. Вот почему открытия лабораторной психологии с практической точки зрения зачастую не содержат в себе ничего поучительного и интересного. Чем больше индивидуальный объект доминирует в поле зрения, тем больше из него можно извлечь практического, подробного и живого знания. Это означает, что объекты исследования тоже становятся все более и более сложными, а неопределенность индивидуальных факторов растет прямо пропорционально их количеству, тем самым увеличивая возможность ошибки. Вполне понятно, почему академическая психология боится этого риска и предпочитает избегать сложных ситуаций, задавая очень простые вопросы, чем она может заниматься совершенно безнаказанно. Она полностью свободна в выборе вопросов, которые она поставит Природе.

С другой стороны, медицинской психологии очень далеко до этой более-менее выгодной позиции. Здесь вопросы задает не экспериментатор, а объект. Аналитик имеет дело с фактами, которых он не выбирал, и которые он, скорее всего, и не *выбрал* бы, будь на то его воля. Вопросы ребром ставит болезнь или сам пациент — иными словами Природа экспериментирует с врачом и ожидает от него ответа. Уникальность индивида и его положения смотрит аналитику прямо в глаза и требует ответа. Долг врача заставляет разбираться с ситуацией, которая кишит неопределенными факторами. Поначалу он применит принципы, основанные на общем опыте, но быстро поймет, что принципы такого рода выражают факты неадекватно и в данном случае непригодны. Чем глубже он проникает в суть дела, тем больше общие принципы теряют свой смысл. Но эти принципы являются основой объективного знания и его мерой. С ростом того, что и пациент, и врач, ощущают, как "понимание", ситуация становится все более субъективизированной. То, что поначалу было преимуществом, угрожает превратиться в опасный недостаток.

Субъекти-вация (говоря технически, перенос и контрперенос) приводит к изоляции от окружения, социальным ограничениям, которые нежелательны для обоих участников, но являются неизбежным следствием доминирования понимания, больше не уравновешенного знанием. Чем глубже понимание, тем дальше оно от знания. Идеальное понимание, в конце концов, приведет к тому, что каждый участник будет не задумываясь воспринимать ощущения другого - придет в состояние некритичной пассивности в сочетании с абсолютной субъективностью и отсутствием ответственности перед обществом. Впрочем, достичь такого уровня понимания невозможно, потому что для этого потребовалось бы реальное отождествление двух различных индивидов. Рано или поздно отношения достигают точки, в которой один партнер чувствует, что его вынуждают принести в жертву свою индивидуальность, чтобы она могла быть ассимилирована индивидуальностью партнера. Этот неизбежное развитие ситуации разрушает понимание, ибо понимание предполагает также интегральное сохранение индивидуальности обоих партнеров. Стало быть, разумнее будет довести понимание только до той точки, в которой достигается равновесие между пониманием и знанием, ибо понимание любой ценой вредит обоим партнерам.

Эта проблема возникает каждый раз, когда требуется познать и понять сложную, индивидуальную ситуацию. Специфическая задача психолога-медика заключается в том, чтобы обеспечить это знание и понимание. Такую задачу должен был бы решать и "духовный наставник", рьяно старающийся лечить человеческие души, если бы его должность неизбежно не обязывала его в критический момент применять эталон своих религиозных пристрастий. В результате право индивида на существование, как таковое, ограничивается коллективным предубеждением, причем зачастую ограничению подвергается наиболее щепетильный его аспект. Этого не происходит только в одном случае: когда догматический символ, например жизнь Христа, понимается конкретно и ощущается индивидом адекватно. Насколько мы близки к такому положению вещей в наше время, я предоставляю судить другим. Так или иначе, аналитик очень часто вынужден лечить пациентов, для которых религиозные ограничения ничего не значат или значат очень мало. Стало быть, его профессия заставляет иметь как можно меньше предубеждений. А рассматривая метафизические (то есть не подлежащие проверке) убеждения и утверждения, он тоже постарается не считать их универсально верными. Такая осторожность необходима, потому что индивидуальные черты личности пациента не должны быть искажены произвольным вмешательством извне. Аналитик должен оставить это влиянию окружающей среды, внутреннему развитию самого пациента и - в самом широком смысле - судьбе со всеми ее справедливыми и несправедливыми решениями.

Многим эта повышенная бдительность, возможно, покажется чрезмерной. Однако, принимая во внимание тот факт, что в диалектическом процессе между двумя индивидами, даже если он проходит чрезвычайно тактично, имеется такое множество взаимосвязанных факторов влияния, что ответственный аналитик удержится от ненужного прибавления чего-то своего к коллективным факторам, которым его пациент уже успел подчиниться. Более того, он очень хорошо знает, что проповедывание даже самых стоящих заповедей только спровоцирует пациента на открытое проявление враждебности или скрытое сопротивление, тем самым безо всякой нужды поставив под угрозу достижение цели лечения. В наше время психическому состоянию индивида настолько сильно угрожают реклама, пропаганда и прочие дающиеся с более-менее благими целями советы и предложения, что пациент заслуживает того, чтобы хотя бы раз в жизни вступить в отношения, в ходе которых он не будет постоянно слышать "тебе следует", "ты должен" и прочие признания бессилия. Аналитик считает своим долгом играть роль "консультанта по обороне" от агрессии извне, в не меньшей мере, чем от последствий этой агрессии в психе индивида. Опасность того, что в этом случае могут быть высвобождены анархические инстинкты слишком преувеличивается, поскольку, как

извне, так и внутри, существуют вполне очевидные "предохранительные устройства". Кроме всего прочего, следует принимать в расчет естественную трусость большинства людей, не говоря уже о нравственности, хорошем вкусе и -я упоминаю его последним, но он имеет далеко не последнее значение - уголовном кодексе. Этот страх ничто в сравнении с огромными усилиями, которые люди, как правило, затрачивают на то, чтобы помочь первым проявлениям индивидуальности добраться до сознания, не говоря уже о том, чтобы привести их в действие. И там, где эти индивидуальные импульсы прорвались слишком смело и независимо от мышления, аналитик должен защищать их от неуклюжих попыток пациента найти выход в недалёковидности, безжалостности и цинизме.

По мере развития диалектического спора достигается момент, при котором возникает необходимость оценки индивидуальных импульсов. К этому времени пациент должен приобрести определенную уверенность в своей способности к правильным суждениям, которая даст ему возможность действовать на основании своих собственных прозрений и решений, а не на основании обычного желания копировать общепринятые образцы - даже если он и согласен с мнением коллектива. Если он не стоит твердо на ногах, то так называемые объективные ценности не принесут ему никакой пользы, поскольку будут служить только в качестве заменителя характера, помогая, тем самым, подавить его индивидуальность. Разумеется, общество имеет неотъемлемое право защищать себя от отъявленного субъективизма, но пока что общество само состоит из деиндивидуализированных человеческих существ, а потому полностью отдано на милость безжалостных индивидуалистов. Пусть оно разделяется на группы и организации сколько ему будет угодно - именно эта групповщина и вытекающее из нее исчезновение индивидуальных личностей приводит к тому, что общество с такой готовностью падает ниц перед диктатором. К сожалению, даже миллион нулей в сумме ни за что не дадут единицы. В этом мире абсолютно все зависит от качества индивида, но наш опасно близорукий век мыслит только категориями больших чисел и массовых организаций, хотя стоило бы задуматься над тем, что мы уже имели более чем достаточно возможностей убедиться в последствиях деятельности дисциплинированной банды, подчиняющейся одному сумасшедшему. К сожалению, пока не видно, чтобы это дошло до многих людей - наша слепота чрезвычайно опасна. Люди беспечно продолжают организовываться и верить в панацею массового действия, вообще не осознавая того факта, что существование самых могучих организаций может поддерживаться только абсолютной безжалостностью их вождей и самыми дешевыми лозунгами.

Любопытно, что Церкви тоже хотят получить выгоду от массового действия (клин клином вышибить) - те самые Церкви, которые призваны спасать индивидуальную душу. Похоже, что им не приходилось слышать элементарную аксиому массовой психологии: в массе нравственный и духовный уровень индивида снижается. Именно поэтому они не слишком напрягаются над претворением в жизнь их истинного призвания - помочь индивиду достичь *метанойи*, возрождения духа - *Deo concedente* (С Божьего соизволения (лат.) - *Прим. ред.*). К сожалению нет никакого сомнения в том, что если индивид по-настоящему не обновил свой дух, то общество тоже не может быть обновленным, потому что общество - это сумма индивидов, нуждающихся в спасении души. Поэтому я воспринимаю только как обман вполне реальные попытки Церковью привязать индивида к какой-нибудь общественной организации и привести его в состояние ограниченной ответственности, вместо того, чтобы выволить его из апатичной, глупой массы и объяснить ему, что он является единственным важным фактором, и что спасение мира заключается в спасении индивидуальной души. Это правда, что массовые собрания размахивают перед ним этими идеями и пытаются произвести впечатление массовым гипнозом с последующим печальным результатом: как только опьянение проходит, человек немедленно влюбляется в еще более непритязательный и более звучный лозунг. Его индивидуальные отношения с Богом послужили бы ему надежным щитом от этого пагубного влияния. Кстати, неужели Христос набирал себе учеников на массовом

сборище? Накормив пять тысяч людей, получил ли он хоть несколько последователей, которые потом не кричали вместе со всеми остальными : "Распни его!", когда дрогнул даже камень, по имени Петр (Игра слов: имя Петр означает камень. - *Прим. ред.*)? И разве не Иисус и Павел являются прототипами тех, кто, веря своим внутренним ощущениям, пошел своим собственным путем, бросая вызов всему миру?

Вышесказанное не означает, что мы должны забыть о реальной ситуации, в которой находится Церковь. Когда Церковь старается придать форму аморфной массе, объединяя индивидов в общину верующих и поддерживая существование такой организации с помощью внушения, она не только оказывает огромную услугу *обществу*, но и совершает неоценимое благодеяние для индивида, придавая смысл его жизни. Однако, эти благодеяния, как правило, только подтверждают определенные тенденции и не меняют их. Жизнь показала, что внутренний человек, к сожалению, не меняется, в каком бы большом коллективе он не находился. Его окружение не может вручить ему, как дар, то, что он может получить только благодаря своим собственным усилиям и страданиям. Напротив, благоприятное окружение просто усиливает опасную тенденцию ожидать всего только снаружи - даже те метаморфозы, которых внешняя реальность просто не может обеспечить. Под ними я понимаю далеко идущие изменения во внутреннем человеке, которые, принимая во внимание массовые феномены нашего времени и назревающую проблему перенаселенности, сегодня еще более необходимы. Настало время спросить самих себя, чего это мы кучкуемся в массовых организациях, и что составляет природу индивидуального человеческого существа, то есть реального, а не статистического человека. Получить ответы на эти вопросы можно только в ходе нового процесса самосозерцания.

Нет ничего удивительного в том, что все массовые движения с величайшей легкостью скользят вниз по наклонной плоскости, сооруженной из больших чисел. Там, где много народу, безопаснее; то, во что верят многие, должно быть правдой; то, чего многие хотят, должно быть стоящей, а значит, и обязательно хорошей штукой. В создаваемом массой шуме чувствуется возможность силой добиться исполнения желаний; однако, самым приятным ощущением является непринужденное и безболезненное возвращение в страну детства, в рай родительской заботы, в беззаботность и безответственность. Думают и беспокоятся только те, кто сидит на верху; на любой вопрос есть ответ и все потребности удовлетворяются на необходимом уровне. Существующее в детских мечтаниях человека толпы государство настолько нереалистично, что этому человеку даже не приходит в голову спросить, кто будет платить за этой рай. Подведение баланса предоставляется высшей политической или общественной власти, которая с удовольствием берет на себя эту задачу, потому что от этого она становится еще сильнее; а чем сильнее власть, тем слабее и беспомощнее индивид.

Повсюду, где социальные условия такого типа достигают высокого уровня развития, открывается дорога к тирании, а свобода индивида превращается в духовное и физическое рабство. Поскольку каждая тирания является *ipso facto* (В силу самого факта (лат.) - *Прим. ред.*) безнравственной и безжалостной, то у нее гораздо более широкий выбор методов, чем у институции, которая принимает в расчет индивида. Стоит только такой институции войти в конфликт с организованным Государством, она быстро осознает весьма реальную невыгодность нравственности, а потому вынуждена прибегнуть к методам своего противника. Таким образом, распространение зла почти неизбежно, даже если непосредственного заражения можно избежать. Опасность заражения увеличивается, когда решающее значение придается большим числам и статистическим ценностям, что наблюдается повсеместно в нашем Западном мире. Масса ежедневно в той или иной форме с помощью средств массовой информации демонстрирует нам свою удушающую силу, и индивиду вдвигается в голову его незначительность так старательно, что он теряет всякую надежду на то, что его голос будет услышан. Потрепанные идеалы свободы,

равенства и братства ему совершенно не помогают, потому что апеллировать он может только к своим же палачам, выступающим от имени массы.

Соппротивление организованной массе может оказать только человек, который так же хорошо организован в своей индивидуальности, как и сама масса. Я прекрасно понимаю, что это положение может показаться сегодняшнему человеку почти бессмысленным. Он уже давно позабыл весьма полезную средневековую теорию, что человек является микрокосмом, миниатюрной копией огромного космоса, хотя само существование его всеобъемлющей и миропреобразующей психе могло бы напомнить ему о ней. Мало того, что образ макрокосма запечатлен в его психической природе, но он еще и сам создает этот образ для себя во все большем масштабе. Он носит в себе это космическое "соответствие", с одной стороны, в силу своего склонного к размышлениям сознания, а с другой, благодаря наследственной, архетипической природе своих инстинктов, которые привязывают его к окружающей его среде. Но его инстинкты не только привязывают его к макрокосму, они также, в определенном смысле, разрывают его на части, потому что его желания влекут его в разных направлениях. Таким образом, он вступает в постоянный конфликт с самим собой и только в очень редких случаях ему удается подчинить свою жизнь достижению одной-единственной цели - за которую он, как правило, должен заплатить очень высокую цену, подавляя другие стороны своей природы. Часто приходится задаваться вопросом, а стоит ли всех этих усилий такое исключительное состояние ума, принимая во внимание то, что естественное состояние человеческой психе состоит в столкновении составляющих ее частей, ведущих себя совершенно по-разному. То есть, для нее естественен определенный уровень разъединенности. Буддисты называют это состояние "десятью тысячами вещей". Такое состояние требует упорядочивания и синтеза.

Если хаотические движения толпы, каждое из которых заканчивается взаимным разочарованием, направляются в единое русло волей диктатора, то индивиду в его разъединенном состоянии также необходим направляющий и упорядочивающий принцип. Это-сознание хочет, чтобы эту роль играла его воля, но при этом упускает из внимания мощные факторы бессознательного, которые стоят на пути его намерений. Если оно хочет достичь цели синтеза, то оно сначала должно познать природу всех этих факторов. Оно должно *пережить* их, или обладать нуминозным *символом*, который их выражает и ведет к их синтезу. Возможно, что для этого сгодился бы религиозный символ, который включает в себя и визуально представляет то, что ищет выражения в современном человеке; но наша нынешняя концепция христианского символа для этого определенно не подходит. Напротив, эта ужасная расколовшая мир стена проходит именно по владениям "христианского" белого человека, и наш христианский взгляд на жизнь оказался бессилем предотвратить воскрешение такого архаичного общественного строя, как коммунизм.

Я не хочу сказать, что с христианством покончено. Напротив, я убежден, что при нынешнем положении вещей устаревшим является не христианство, а наши концепция и толкование его. Христианский символ - это живая вещь, которая несет в себе зерна дальнейшего развития. Он может продолжать развиваться; это зависит только от нас, сможем ли мы заставить себя снова задуматься, и при том более глубоко, над посылками христианства. Для этого требуется совершенно иное отношение к индивиду, к микрокосму самости, от которой мы получили свою личность. Вот почему никто не знает с какой стороны подступиться к человеку, какие внутренние ощущения ему еще предстоит пережить, и какие психические факты лежат в основе религиозного мифа. На всем этом лежит такая непроглядная мгла, что никто не может понять, почему он должен этим интересоваться, или достижению какой цели он должен посвятить свою жизнь. Мы беспомощны перед этой проблемой.

В этом нет ничего удивительного, поскольку все козыри находятся на руках у наших оппонентов. Они могут апеллировать к большим батальонам и их сокрушающей силе. С ними в одном ряду стоят политика, наука и технология. Впечатляющие аргументы науки представляют собой высший уровень интеллектуальной уверенности, достигнутый на

сегодняшний день разумом человека. Или, по крайней мере, так кажется современному человеку, который уже сто раз просвещен насчет тьмы и отсталости прошлых веков и их суеверий. То, что его учителя сами совершенно сбились с пути, ошибочно сравнивая между собой несопоставимые факторы, ему и в голову не приходит. Тем более, что интеллектуальная *элита*, которой он задает свои вопросы, почти единодушно утверждает, что то, что современная наука считает невозможным, было невозможно и в другие времена. Прежде всего, те реальные примеры веры, которые могли бы дать человеку шанс занять не приземленную точку зрения, толкуются в том же самом контексте, что и научные факты. Так, когда индивид ставит под сомнение постулаты Церкви и тех, кто выступает от ее имени, и кому доверено исцеление душ, ему сообщают, что принадлежность к церкви - решительно земному институту - это более-менее *de rigueur* (* Обязательно (фр.) -Прим. ред.); что факты веры, в которых он усомнился, были конкретными историческими событиями; что определенные ритуальные действия дают сверхъестественные результаты; и что страдание Христа во искупление грехов сохраняло его от них и их последствий (то есть вечного проклятия). Если с находящимися в его распоряжении ограниченными средствами он начинает размышлять об этих вещах, он вынужден будет признать, что совершенно их не понимает, и что у него остаются только две возможности: либо безоговорочно в них поверить, либо отбросить их, как совершенно непонятные.

Если современный человек может с легкостью размышлять обо всех "истинах", преподнесенных ему Государством на тарелочке, то с пониманием религии дело обстоит хуже по причине отсутствия объяснений. ("Разумеешь ли, что читаешь?" Он сказал: "Как могу разуместь, если кто не наставит меня?" Деяния апостолов 8:30,31) Если, несмотря на это, человек все еще не отбросил все свои религиозные убеждения, то исключительно потому, что религиозный импульс покоится на инстинктивной основе и, стало быть, является специфически человеческой функцией. У человека можно отнять бога, но только для того, чтобы дать ему взамен другое божество. Вожди Государства масс не могут не обожествляться, и там, где дикость подобного рода еще не внедрена силой, вместо нее выступают заряженные демонической энергией маниакальные факторы - деньги, работа, политическое влияние и тому подобное. Когда любая естественная человеческая функция предается забвению, то есть ей отказывается в осознанном и преднамеренном выражении, то начинается всеобщее смятение. Поэтому, вполне естественно, что с триумфом богини Разума современный человек становится жертвой общего невроза, раздвоения личности, аналогичного нынешнему состоянию мира, разъединенного Железным Занавесом. Эта ошестинившаяся колючей проволокой граница проходит через психе современного человека, вне зависимости от того, по какую сторону Железного Занавеса он живет. И точно так же, как типичный невротик не осознает существование своей *теневого стороны*, так и нормальный индивид, подобно невротичу, видит свою тень в своем соседе или в человеке, живущем по другую сторону великой стены. Клеймить коммунизм, как порождение самого дьявола, а на другой стороне говорить то же самое о капитализме стало даже политическим и общественным долгом, чтобы заставить человека глядеть только на внешний мир и не дать ему заглянуть внутрь самого себя. Но если невротик, несмотря на отсутствие понимания того, что у него имеется и другая сторона, смутно подозревает, что в его психическом хозяйстве не все благополучно, то и у западного человека развился инстинктивный интерес к своей психе и к "психологии".

Итак, психиатр волей-неволей, но должен появиться на мировой сцене и услышать вопросы, которые прежде всего относятся к наиболее интимным и скрытым аспектам жизни индивида, но, при более глубоком рассмотрении, оказываются непосредственным следствием *Zeitgeist* (Дух времени (нем.) - Прим. ред.). По причине его личностной симптоматики этот материал, как правило, считается "невротическим" - и справедливо, потому что он состоит из детских фантазий, которые плохо сочетаются с содержимым психе взрослого человека и, следовательно, подавляются нашими понятиями о

нравственности, если, конечно, они вообще достигают нашего сознания. Большинство фантазий такого рода (и это заложено в природе вещей) ни в какой форме не попадают в наше сознание, и по меньшей мере очень маловероятно, чтобы они когда-либо были осознанны и осознанно подавлялись. Скорее они присутствовали с самого начала или, по крайней мере, возникли в бессознательном и просуществовали в нем до того момента, когда вмешательство психолога дало им возможность проникнуть в сознание. Активация бессознательных фантазий представляет собой процесс, протекающий в момент смятения сознания. Если бы это было не так, то возникновение фантазий было бы нормальным явлением, и за ним по пятам не следовали бы неврозы. В реальности, фантазии этого рода принадлежат к миру детства и становятся причиной смятения только в том случае, когда ненормальные условия осознанной жизни приводят к их преждевременному усилению. Вероятность такого развития событий особенно велика в том случае, когда неблагоприятное влияние оказывают родители, отравляя атмосферу и порождая конфликты, нарушающие психическое равновесие ребенка.

Когда у взрослого человека начинается невроз, на поверхность вновь всплывает мир детских фантазий и возникает искушение дать неврозу причинное объяснение, связав его с присутствием детских фантазий. Но это не объясняет, почему фантазии не оказывали никакого патологического действия в промежуточный период. Они оказывают такое воздействие только тогда, когда индивид сталкивается с ситуацией, которую он не может разрешить с помощью сознания. Вытекающий из этого застой в развитии личности открывает шлюз для детских фантазий, которые, разумеется, дремлют в каждом человеке, но не проявляют никакой активности до тех пор, пока осознующая личность беспрепятственно движется по намеченному пути. Когда фантазии достигают определенного уровня интенсивности, они начинают прорываться в сознание и создают конфликтную ситуацию, которая становится ощутимой для самого пациента, поскольку его личность разделяется на две личности с разными характерами. Однако это раздвоение личности было уже давно подготовлено в бессознательном, когда вытекающая (по причине неиспользуемости) из сознания энергия усилила отрицательные качества бессознательного и, в особенности, инфантильные черты личности.

Поскольку, по сути, нормальные фантазии ребенка являются ничем иным, как *воображением инстинктов*, и потому могут считаться тренировкой будущего использования сознания, это означает, что сердцевиной фантазий невротика, хотя и подвергшихся патологическим изменениям и, возможно, извращенных в результате регресса энергии, является нормальный инстинкт, отличительной чертой которого является приспособляемость. Невроз всегда предполагает искажение и неприспособленность нормальной динамики и соответствующего ей "воображения". Инстинкты, однако, чрезвычайно консервативны и древни, это касается как их динамики, так и формы. Для разума их формой является *образ*, который визуально и конкретно, словно картина, выражает природу инстинктивного импульса. Если бы мы могли заглянуть в психе, например, бабочки "юкка" (Это классический пример симбиоза насекомого и растения. — *Прим. Юнга*), то мы бы обнаружили в ней схему идей сверхъестественного или завораживающего характера, которые не только принуждают бабочку осуществлять свою оплодотворяющую деятельность на растении "юкка", но и помогают ей "понять" общую ситуацию. Инстинкт является чем угодно, но только не слепым и неопределенным импульсом, поскольку он настроен на определенную внешнюю ситуацию и приспособлен к ней. Это последнее обстоятельство придает ему специфическую и неизменную форму. Инстинкт изначален и наследственен, и его форма тоже извечна, так сказать, *архетипична*. Она даже старше и консервативнее формы тела.

Эти биологические размышления, естественно, в равной степени относятся и к *Homo sapiens*, который, по-прежнему, находится в рамках общей биологии, несмотря на то, что обладает сознанием, волей и разумом. Тот факт, что корни деятельности нашего сознания уходят в инстинкт, от которого сознание получает свою динамику и основные черты

своих представлений о невоспринимаемых непосредственно предметах, имеет такое же значение для человеческой психологии, как и для психологии всех остальных членов царства животных. Человеческое знание состоит, прежде всего, из постоянной адаптации первичных систем идей, которые даются нам *a priori*. Они нуждаются в определенных модификациях, потому что их первоначальная форма годится для архаического образа жизни, но не отвечает требованиям специфически дифференцированного окружения. Если мы хотим сохранить приток инстинктивного динамизма в нашу жизнь, а это абсолютно необходимо для нашего существования, то мы обязаны преобразовать эти архетипические формы в идеи, соответствующие требованиям современности.

5. Философский и психологический подход к жизни

Однако наши идеи имеют печальную, но неизбежную тенденцию не поспевать за изменениями в общей ситуации. Иначе быть и не может, потому что до тех пор, пока в мире ничего не меняется, они остаются более-менее приспособленными и, следовательно, функционируют вполне удовлетворительно. Значит, у них нет никакой убедительной причины меняться и заново приспосабливаться. Только после того, как условия изменятся настолько кардинально, что возникнет невыносимый раскол между внешней ситуацией и нашими идеями, теперь уже устаревшими, возникает общая проблема нашего мировоззрения или философии жизни, а вместе с ней встает вопрос о том, каким образом могут быть переориентированы или заново приспособлены первичные образы, которые поддерживают поток инстинктивной энергии. Их нельзя просто заменить новой рациональной формой, потому что она в слишком большой степени была бы определена внешней ситуацией, а не биологическими потребностями человека. Более того, она не только не перебросила бы мост к первоначальному человеку, но и заблокировала бы подход к нему. Это вполне соответствует целям марксистского образования, которое, подобно самому Богу, стремится создать нового человека, но уже по образу и подобию Государства.

Сегодня, наши основные убеждения становятся все более рационалистическими. Наша философия уже не является образом жизни, как это было в античные времена; она превратилась в занятие исключительно для интеллектуалов и ученых. Наши абсолютистские религии с их архаичными ритуалами и концепциями - самими по себе вполне оправданными - выражают видение мира, понять которое не составляло труда человеку Средневековья, но которое для современного человека стало чужим и не поддающимся пониманию. Несмотря на конфликт с современным научным представлением о мире, глубоко сидящий инстинкт заставляет человека цепляться за идеи, которые, если их понимать буквально, принуждают его не принимать в расчет все достижения разума последних пяти столетий. Явно преследуется цель не допустить его падения в бездну нигилистического отчаяния. Но даже когда он, как рационалист, считает своим долгом критиковать абсолютистскую религию, как буквальную, ограниченную и устаревшую, он не должен ни на минуту забывать, что она провозглашает доктрину, символы которой, хоть их толкование и можно подвергать сомнению, тем не менее живут своей собственной жизнью в силу их архетипического характера. Следовательно, интеллектуальное понимание ни в коей мере не является незаменимым во всех случаях, и к нему прибегают только тогда, когда чувства и интуиция не могут дать достаточно точной оценки, то есть в случае с людьми, для которых наиболее убедительным является вердикт интеллекта.

Нет ничего более характерного и симптоматичного в этом отношении, чем пропасть, пролеглая между *верой* и *знанием*. Контраст стал таким резким, что невольно приходится говорить о несоизмеримости этих двух категорий и их представлений о мире. И все же они обе относятся к одному и тому же эмпирическому миру, в котором мы живем, потому что даже теологи говорят нам, что вера поддерживается фактами, которые стали

исторически ощутимыми в нашем познанном мире - а именно, что Христос был рожден как реальное человеческое существо, сотворил много чудес, выстрадал свою судьбу, был умерщвлен по приказу Понтия Пилата и восстал во плоти после смерти. Теология отбрасывает любые попытки воспринять содержащиеся в ее самых первых книгах рассказы, как перенесенные на бумагу мифы и, соответственно, понять их символически. И действительно, теологи сами недавно попытались - несомненно, в качестве уступки "знанию" - "демифологизировать" предмет их веры, абсолютно произвольно соединяя одной линией узловые точки. Но критически настроенный интеллект слишком хорошо понимает, что миф является неотъемлемым компонентом всех религий и, стало быть, не может быть изъят из догматов веры безо всякого для них ущерба.

Разлад между верой и знанием является симптомом *раскола в сознании*, который так характерен для царящего сейчас смятения умов. Словно два разных человека говорят об одной и той же вещи, каждый со своей точки зрения, или словно один человек, пребывающий одновременно в двух разных состояниях ума, набрасывает картину своих ощущений. Если вместо "человек" мы скажем "современное общество", то станет ясно, что последнее страдает раздвоением разума, то есть неврозом. В такой ситуации дела не пойдут лучше, если одна часть будет упрямо тянуть вправо, а другая - влево. Именно это и происходит в каждой невротической психе, вызывая у нее глубокое беспокойство, которое и приводит больного к аналитику.

Как я уже очень кратко сказал выше - не упуская при этом определенные практические детали, отсутствие которых могло бы озадачить читателя - аналитик должен установить отношения с *обеими* половинами личности своего пациента, потому что цельного и полного человека он может получить только путем соединения двух этих половин, а не путем подавления одной половины в пользу другой. Именно этим подавлением и занимается пациент, поскольку современное мировоззрение не оставляет ему другого выбора. В принципе, его индивидуальная ситуация ничем не отличается от коллективной ситуации.

Он является социальным микрокосмом, отражающим в малом масштабе качества всего общества, или же, наоборот, мельчайшей социальной единицей, куммулятивно создающей коллективное раздвоение. Последняя возможность представляется более вероятной, поскольку единственным непосредственным и конкретным носителем жизни является индивидуальная личность, в то время как общество и Государство являются обычными идеями и могут претендовать на реальность только в той степени, в какой они представлены конгломератом индивидов.

Крайне мало внимания было уделено тому факту, что, при всей нашей нерелигиозности, отличительная черта христианской эпохи, ее высшее достижение, - *высшая власть слова*. Логоса, который является центральной фигурой нашей христианской веры - стала врожденным пороком нашего века. Слово в буквальном смысле стало нашим богом и таковым остается, даже для тех, кто о христианстве знает только понаслышке. Слова типа "Общество" и "Государство" настолько конкретизировались, что стали почти-что персонифицированными. По мнению рядового человека, "Государство" куда больше, чем любой самодержец в истории, является неистощимым источником всего добра; к "Государству" взывают, на него возлагают ответственность, его критикуют и так далее и тому подобное. Общество возведено в ранг высшего этического принципа; ему даже приписывают поистине творческие способности. Никто, похоже, не замечает, что это поклонение слову, которое было необходимо на определенном этапе умственного развития человека, имеет очень опасную темную сторону. Я хочу сказать, что в тот момент, когда слово, в результате нескольких веков развития образования, приобретает не подлежащую сомнению универсальную истинность, оно рвет свою первоначальную связь с божественной Личностью. Тогда возникает персонифицированная Церковь, персонифицированное Государство; вера в слово становится доверчивостью, а само слово - дьявольским лозунгом, способным на любой обман. За доверчивостью по пятам следуют

пропаганда и реклама, призванные сделать гражданина жертвой политических махинаций и компромиссов. В настоящее время ложь приобретает доселе невиданный в истории человечества размах.

Итак, слово, первоначально провозглашавшее единство всех людей и их единение в фигуре одного великого Человека, в наше время стало источником подозрительности и недоверия всех по отношению ко всем. Доверчивость является одним из наших злейших врагов, но именно к этому средству всегда прибегает невротик, когда хочет заглушить звучащий внутри него самого голос сомнения или убедить себя, что этого голоса нет вовсе. Люди думают, что достаточно всего-лишь сказать человеку, что он "должен" сделать что-либо, чтобы наставить его на путь истинный. Но вот в чем вопрос: сможет ли или захочет ли он это делать? Психологу следует понять, что разговорами, убеждением, увещанием и добрыми советами ничего достигнуть нельзя. Он должен ознакомиться со всеми деталями и по-настоящему узнать психический "инвентарь" своего пациента. Следовательно, он должен установить связь с индивидуальностью больного и наощупь пробраться во все закоулки его разума, на что совершенно неспособны ни учитель, ни даже *directeur de conscience* (Духовный наставник, нравственный руководитель (фр.) - Прим. ред.). Его научная объективность, которая ничего не оставляет без внимания, дает ему возможность посмотреть на своего пациента не только как на человеческое существо, но и как на антропоида, который, подобно животному, связан со своим телом. Его подготовка выводит его интересы за пределы осознающей личности в мир бессознательного инстинкта, в котором господствуют половое влечение и жажда власти (или самоутверждения), соответствующие сформулированным святым Августином двум нравственным концепциям-близнецам: *concupiscentia* (Вождение (лат.) - Прим. ред.) и *superbia* (Высокомерие, гордость (лат.) - Прим. ред.). Столкновение между этими двумя фундаментальными инстинктами (сохранение вида и самосохранение) является источником многочисленных конфликтов. Следовательно, эти инстинкты являются главным объектом нравственной оценки, цель которой заключается в том, чтобы максимально предотвратить столкновение между ними.

Как я уже объяснял выше, у инстинкта есть два основных аспекта: с одной стороны, динамика и принуждение, с другой - специфическое значение и намерение. Вполне вероятно, что инстинкты лежат в основе всех психических функций человека, что явно наблюдается в случае с животными. Не составляет труда заметить, что у животных инстинкт действует, как *Spiritus rector* (**Животворное начало, побудительная сила (лат.)** — Прим. ред.) всего поведения. Эта определенность начинает ослабевать только с началом развития способности к обучению, как в случае с наиболее высокоразвитыми обезьянами и человеком. У животных, в результате функционирования их способности к обучению, инстинкт подвергается многочисленным модификациям и дифференциациям, а у, цивилизованного человека инстинкты настолько "изрублены", что с определенной уверенностью можно распознать изначальную форму только нескольких самых основных. Наиболее важными являются два вышеупомянутых инстинкта и их производные, и до сих пор они входили в сферу интересов исключительно медицинской психологии. Но исследователи, прослеживая мутации инстинктов, натолкнулись на формы, которые нельзя с уверенностью отнести ни к одной из групп. Приведу всего лишь один пример: Первооткрыватель инстинкта власти поднял вопрос о том, не может ли несомненное проявление полового инстинкта быть более точно объяснено, как "силовое урегулирование", и сам Фрейд посчитал своим долгом признать существование наряду с всемогущим половым инстинктом "эго инстинктов" - явная уступка Адлеру. Принимая во внимание эту неопределенность, вряд ли стоит удивляться тому, что в большинстве случаев невротические симптомы могут быть объяснены категориями как той, так и другой теории. Эта запутанность не означает ошибочность одной либо обеих этих теорий. Они, скорее, относительно верны и, в отличие от некоторых однобоких и догматических концепций, допускают существование и соперничество еще и других инстинктов. Хотя,

как я уже сказал, вопрос человеческих инстинктов - далеко не простое дело, мы, скорее всего, не ошибемся, если предположим, что способность к обучению, почти исключительно человеческое качество, основана на наблюдающемся у животных инстинкте подражания.

Этому инстинкту, по самой его природе, свойственно активизировать деятельность других инстинктов и, в конце концов, модернизировать их, в чем можно убедиться на примере пения птиц, когда они усваивают другие мелодии.

Ничто не отрывает человека от фундамента его инстинктов с такой силой, как его способность к обучению, которая превращается в истинную жажду постоянных трансформаций стилей человеческого поведения. Эта способность, более, чем что-либо другое, несет ответственность за изменение условий его существования и за потребность приспосабливаться к последствиям развития цивилизации. Она также является главным источником этих многочисленных психических проблем и нарушений, которые вызваны все более углубляющимся отчуждением человека от его инстинктивной основы, то есть потерей корней и отождествлением с осознанным знанием самого себя, усилением внимания к сознанию за счет ослабления внимания к бессознательному. В результате современный человек знает самого себя только в той степени, в какой он может себя осознать - способность, в значительной мере зависящая от окружения, знание и контролирование которого принудили или навели на определенные модификации его изначальных инстинктивных тенденций. Следовательно, его сознание ориентируется, в основном, на изучение окружающего его мира, к особенностям которого он и должен приспосабливать свои психические и технические ресурсы. Задача эта настолько сложная, а ее решение сулит такие большие выгоды, что в ходе этого процесса человек забывает о самом себе, теряя из виду свою инстинктивную природу и заменяя свою истинную сущность придуманной им концепцией самого себя. В результате чего он незаметно соскальзывает в чисто концептуальный мир, в котором результат деятельности его сознания все больше вытесняет реальность.

Отчужденность цивилизованного человека от своей инстинктивной природы неизбежно погружает его в конфликт между сознанием и бессознательным, духом и природой, знанием и верой. Этот раскол становился патологическим в тот момент, когда сознание человека уже не может подавлять его инстинктивную сторону или не обращать на нее внимания. Скопление индивидов, вошедших в такое критическое состояние, дает толчок массовому движению, целью которого является защита угнетенных. В силу преобладающей в сознании тенденции искать источник всех бед во внешнем мире, люди все громче требуют политических и общественных перемен, которые, как они полагают, автоматически разрешат гораздо более глубокую проблему раздвоения личности. Однако, когда требования выполняются, возникают политические и общественные условия, в которых вновь возникают те же самые болезни, хотя и в измененной форме. Все просто становится с ног на голову: низ становится верхом и тень занимает место света, а поскольку тень всегда анархична и беспокойна, то свободу "освобожденного" бедняги следует подвергнуть драконовским ограничениям. Клин клином вышибают. Все это неизбежно, поскольку корень зла остается невыкорчеванным, а имеет место обычная смена полюсов.

Коммунистическая революция опустила человека гораздо ниже, чем демократическая коллективная психология, потому что она отняла у него не только политическую, но и нравственную, и духовную свободу. Помимо политических сложностей, Запад в этой ситуации находится в очень невыгодном психологическом положении, что он уже почувствовал на своей шкуре в дни существования германского нацизма: сейчас мы имеем возможность указывать пальцем на тень, германский нацизм явно находится по другую сторону политической границы, в то время как мы находимся на стороне добра и гордимся верой в правильные идеалы. Разве хорошо известный государственный деятель недавно не заявил, что "у него не хватило бы воображения для того, чтобы совершить

злой поступок"? (С тех пор, как были написаны эти слова, тень добилась чрезвычайной яркого воплощения, мчась с парашютным десантом к Суэцу. *Прим. К.Г.Юнга*) От имени большинства он выразил тот факт, что западный человек рискует утратить свою собственную тень, рискует отождествить себя со своей вымышленной личностью, а мир - с абстрактной картиной, нарисованной рационалистами-учеными. Его духовный и нравственный оппонент, который так же реален, как и он сам, живет уже не у него в груди, а за географической границей, которая теперь представляет уже не внешний политический барьер, а все более угрожающую стену, отделяющую сознание человека от его бессознательного. Мышление и чувство утрачивают свою внутреннюю полярность, а там, где религиозная ориентация стала неэффективной, уже даже бог не может сдерживать властную поступь сорвавшихся с цепи психических функций.

Нашу рациональную философию не интересует, согласен ли с нашими осознанными планами и намерениями тот живущий внутри нас человек, которого мы уничижительно называем "тенью". Она явно до сих пор не знает, что мы носим в себе реальную тень, существование которой основано на нашей инстинктивной природе. Никто не может безнаказанно пренебрегать ни динамикой, ни образностью инстинктов. Насилие над инстинктом или пренебрежение к нему имеют весьма болезненные последствия физиологического и психологического свойства, ликвидировать которые следует, прежде всего, с помощью врача.

Уже в течение более чем пятидесяти лет мы знаем или могли бы знать о существовании бессознательного противовеса сознанию. Медицинская психология предоставила все необходимые эмпирические и экспериментальные доказательства этого. Существует бессознательная психическая реальность, которая вполне ощутимо воздействует на сознание и его содержимое. Все это известно, но из этого факта не сделано никаких практических выводов. Мы по-прежнему продолжаем думать и действовать, как прежде, словно мы являемся *simplex*, а не *duplex*. Соответственно, мы воображаем себя безобидными, разумными и человечными. Нам не приходит в голову подвергнуть сомнению наши мотивы или спросить себя, что думает внутренний человек о том, чем мы занимаемся во внешнем мире. Между тем, пренебрежительное отношение к реакции и точке зрения бессознательного легкомысленно, поверхностно, неразумно и психически негигиенично. Можно презрительно относиться к своему желудку или сердцу, но это не спасет весь организм от последствий переедания или переутомления. Но мы считаем, что от психических ошибок и их последствий можно избавиться с помощью простых слов, поскольку для большинства людей "психика" - это даже меньше, чем пустой звук. Тем не менее, никто не может отрицать, что без психе мира вообще не существовало бы, не говоря уже о мире людей. Буквально все зависит от человеческой психе и ее функций. Она заслуживает самого пристального нашего внимания, и особенно сегодня, когда все признают, что будущее человечества зависит не от угрозы со стороны диких животных, не от природных катаклизмов, не от эпидемий, а исключительно от перемен в психике человека. Достаточно почти незаметного нарушения психического равновесия в головах нескольких правителей, чтобы мир был залит кровью, охвачен пламенем, покрыт радиоактивными осадками. Обе стороны располагают необходимыми для этого техническими средствами. И определенные осознанные намерения, не контролируемые никаким внутренним оппонентом, слишком легко могут быть претворены в жизнь, в чем мы уже имели возможность убедиться на примере одного "вождя". Сознание современного человека по-прежнему настолько цепляется за внешние объекты, что он возлагает на них всю ответственность, словно его решение зависит от них. То, что психическое состояние определенных индивидов может даже освободить себя от поведения объектов, слишком редко приходит кому-либо в голову, хотя иррациональности такого рода наблюдаются каждый день и могут приключиться с кем угодно.

Печальное состояние сознания в нашем мире проистекает, прежде всего, из утраты инстинкта, и причина этого кроется в развитии на протяжении последнего тысячелетия человеческого разума. Чем больше человек подчиняет себе природу, тем сильнее его знания и навыки ударяют ему в голову и тем глубже становится его презрение к обычным природным и случайным явлениям, ко всем иррациональным данным - в том числе и к объективной психе, которая является всем, чем не является сознание. В противоположность субъективизму осознающего разума, бессознательное - объективно, и проявляется, по большей части, в форме противоречивых чувств, фантазий, эмоций, импульсов и сновидений, которые создает не человек, сам являющийся объектом их вторжения. Даже в наше время психология по-прежнему в значительной степени является наукой о содержимом сознания, измеряемого, насколько это возможно, коллективными стандартами. Индивидуальная психе стала простой случайностью, маргинальным феноменом, в то время, как бессознательное, которое может проявиться только в реальном, "иррационально данным" человеческом существе, полностью игнорируется. И это не результат небрежности или нехватки знаний, а откровенное сопротивление признанию самой возможности существования наряду с эго второго психического авторитета. Когда самодержавность эго подвергается сомнению, это рассматривается, как прямая ему угроза. С другой стороны, религиозный человек привык к мысли, что он не является единственным хозяином в доме. Он верит в то, что последнее слово остается за Богом, а не за ним. Но сколько людей рискнет все предоставить воле Божьей, и кто из нас не почувствует смущения, если ему придется сказать, в какой степени его решение было продиктовано ему Богом?

Религиозный человек, насколько можно об этом судить, подвергается непосредственному воздействию реакции бессознательного. Как правило, он называет это действием *сознания*. Но поскольку та же самая психическая основа порождает реакции, отличные от нравственных, то верующий мерит свое сознание традиционными (стало быть, коллективными) этическими нормами, в чем его активно поддерживает его Церковь. До тех пор, пока индивид может крепко держаться за свои традиционные верования, а время, в которое он живет, не требует более пристального внимания к индивидуальной автономии, его положение может вполне его удовлетворять. Но положение резко меняется, когда суетный человек, ориентированный на внешние факторы и утративший религиозные убеждения, появляется *en masse*, что мы можем наблюдать в настоящее время. В этом случае, верующий вынужден защищаться и пересмотреть основные принципы своей веры. Его уже не поддерживает впечатляющая сила *consensus omnium* (Общее согласие (лат.) — Прим. ред.) и он очень хорошо видит слабость Церкви и ненадежность его догм. В качестве противоядия Церковь рекомендует больше веры, словно эта благодать зависит от доброй воли и удовольствия человека. Но трон веры является не осознанное, а спонтанное религиозное ощущение, которое устанавливает непосредственную связь веры индивида с Богом.

Здесь каждый из нас должен спросить: "Бывают ли у меня хоть какие-то религиозные ощущения и непосредственная связь с Богом, которые дают мне уверенность в том, что я, как индивид, сумею не раствориться в толпе?"

6. Познание себя

На это вопрос дать положительный ответ можно только тогда, когда индивид хочет подчиниться строгим требованиям изучения и познания себя. Если он выполняет эти требования, он не только узнает определенные важные истины о самом себе, но и получает психологическое преимущество: он сможет убедить в том, что достоин серьезного внимания и сочувствия. Он будет готов провозгласить свое человеческое достоинство и сделать первый шаг по направлению к основам своего сознания - то есть, к бессознательному, единственному источнику религиозного ощущения. При этом я никак

не хочу сказать, что бессознательное тождественно Богу или может послужить ему заменой. Просто оно является средой, из которой возникают религиозные ощущения. Что же касается причины этих ощущений, то ответ на этот вопрос находится далеко за пределами человеческого знания. Познание Бога - это трансцендентальная проблема.

Религиозный человек находится в гораздо более выгодном положении, когда речь заходит об ответе на коренной вопрос, дамокловым мечом висящий над нашим временем: он имеет ясное представление о том, каким образом его субъективное существование строится на его связи с "Богом". Я взял слово "Бог" в кавычки для того, чтобы показать, что мы имеем дело с антропоморфической идеей, динамика и символизм которой просачиваются сквозь слой бессознательной психе. Любой человек, который того хочет, может по крайней мере приблизиться к источнику этих ощущений, вне зависимости от того, верит он в Бога или нет. Только в очень редких случаях, вроде происшествий с Павлом в Дамаске, волшебные превращения происходят без этого контакта. Существование религиозного ощущения больше не нуждается ни в каких доказательствах. Но всегда будут иметь место сомнения насчет того, является ли то, что метафизика и теология называют Богом или богами, истинной основой этих ощущений. Собственно, и сам вопрос, и ответ на него не имеют никакого смысла по причине субъективно подавляющей сверхъестественности ощущения. Любой испытывавший его человек был им *захвачен* и потому не может предаваться бесплодным метафизическим или гносеологическим размышлениям. Абсолютная уверенность сама по себе является доказательством и не нуждается ни в каких антропоморфических обоснованиях.

Принимая во внимание общее невежество в психологии и предубежденное к ней отношение, следует считать просто невезением тот факт, что источник единственного ощущения, которое придает смысл индивидуальному существованию, находится в среде, повсеместно вызывающей возражения. Вновь слышны сомнения: "Может ли что доброе выйти из Назарета?" (См. Иоанн, 1:46. *Прим. ред.*) Бессознательное, даже если его не считают чем-то вроде расположенного под осознающим разумом мусорного ведра, в любом случае воспринимается, как "обычная животная природа". Однако, в реальности и по определению оно обладает неизвестными размерами и содержимым, так что его переоценка или недооценка не имеют никакого смысла и могут быть отброшены, как обычные предубеждения. Такие суждения о бессознательном особенно странно слышать от христиан. Господь которых сам родился в яслях на соломе, в окружении домашних животных. Толпе больше бы пришлось по вкусу, если бы он родился в храме. Приземленный человек толпы ищет сверхъестественное ощущение на массовом сборище, которое представляет собой несравненно более впечатляющий фон, чем индивидуальная душа. Жертвами этой пагубной иллюзии являются даже стойкие приверженцы христианской Церкви.

Настойчивое требование психологов в важности бессознательных процессов для религиозного ощущения крайне непопулярно, как в правом, так и в левом политических лагерях. Для правых решающим фактором является историческое откровение, пришедшее к человеку извне; левые считают это совершенной глупостью и утверждают, что у человека вообще нет никаких религиозных функций, за исключением веры в партийную доктрину, когда неожиданно возникает потребность в самой отчаянной вере. В довершение всего, различные вероисповедания провозглашают совершенно разные вещи, и каждое из них претендует на обладание абсолютной истиной. И все же сегодня мы живем в едином мире, в котором расстояния измеряются по большей части часами, и не более, чем неделями и месяцами. Экзотические народы перестали быть экспонатами для этнологического музея. Они стали нашими соседями и то, что вчера было личным увлечением этнолога, сегодня является политической, социальной и психологической проблемой. Уже началось взаимопроникновение идеологических сфер, и возможно не за горами то время, когда остро встанет вопрос взаимопонимания. Быть понятым абсолютно невозможно без глубокого понимания точки зрения другого человека. Необходимое для

этого озарение будет иметь последствия для обеих сторон. История обязательно пройдет мимо тех, кто считает своим призванием сопротивление этому неизбежному развитию ситуации, каким бы желанным и психологическим необходимым не было сохранение всего существенного и хорошего, что есть в нашей традиции. Несмотря на все различия, единение человечества просто неизбежно. На эту карту марксистская доктрина поставила свою жизнь, в то время, как Запад пытается достичь своей цели с помощью технологии и экономической поддержки. Коммунизм не упустил из виду огромное значение идеологического фактора и универсальности основных принципов. Идеологическая слабость цветных рас ничем не отличается от нашей, и в этом смысле они также уязвимы, как и мы.

За недооценку психологического фактора, скорее всего, придется горько поплатиться. А потому сейчас самое время нам заняться этим вопросом. Но пока что это остается благим пожеланием, потому что самопознание, помимо своей чрезвычайно непопулярности, еще и представляется неприятно идеалистической целью, является предельно нравственной вещью и сосредоточено на психологической тени, существование которой, как правило, отрицается или, по крайней мере, не упоминается. Стоящая перед нашим веком задача отличается поистине неодолимой сложностью. Она требует от нас высочайшей ответственности, если только мы не хотим стать виновниками очередного *trahison des clercs* (Предательство интеллектуалов, клириков (фр.) — Прим. ред.). Решение этой задачи - это прерогатива тех ведущих и влиятельных личностей, которые обладают необходимым знанием для понимания сложившейся в нашем мире ситуации. По идее, эти люди должны прислушаться к голосу разума. Но поскольку речь в данном случае идет не только об умственном понимании, но и о нравственных выводах, то, к сожалению, у нас есть мало оснований для оптимизма. Природа, как известно, не настолько щедра, чтобы к мудрости присовокупить еще и доброту. Как правило, где есть одно, там нет другого, и одна способность достигает совершенства за счет других. Несоответствие между интеллектом и чувством, которые и в самые благоприятные времена мешают друг другу, является наиболее печальной главой в истории человеческой психе.

Нет никакого смысла пытаться сформулировать задачу, которую наш век помимо нашей воли предъявил нам, как нравственное требование. В лучшем случае, мы можем просто сделать психологическую ситуацию, в которой оказался мир, настолько ясной, что в ней сможет разобраться даже слепой, и прокричать необходимые слова так громко, что их услышит даже глухой. Мы можем рассчитывать на понимающих людей и на людей доброй воли, и не должны уставать повторять необходимые мысли и пояснения. В конце концов, распространяться может не только милая сердцу толпы ложь, но и истина.

Этими словами я хотел бы привлечь внимание читателя к основной трудности, с которой ему придется столкнуться. Ужасы, которым подвергли человечество современные диктаторские Государства, есть ничто иное, как кульминация всех тех жестокостей, виновниками которых были не такие уж и далекие наши предки. Помимо всего того варварства и кровопролития, в которых христианские народы провинились друг перед другом на протяжении всей европейской истории, европейцы также должны ответить за все те преступления, которые они совершили по отношению к цветным народам в ходе процесса колонизации. В этом смысле белый человек действительно несет очень большое бремя. Оно являет собой картину обычной человеческой "тени", которую вряд ли можно нарисовать более черными красками. Зло, которое проявляется в человеке и несомненно живет в нем, обладает гигантскими размерами, так что разговоры Церкви о первородном грехе, источником которого является относительно невинное приключение Адама с Евой, - это почти эфемеризм. Дело обстоит гораздо хуже и его серьезность страшно недооценивается.

Поскольку повсеместно распространено убеждение, что человек - это просто то, что его сознание знает о себе самом, человек считает себя таким же безвредным, добавляя, тем самым, к своей греховности еще и глупость. Он не отрицает, что ужасные вещи имели

и продолжают иметь место, но их всегда совершают "другие". А если подобные деяния относятся к недавнему или далекому прошлому, то они очень быстро и кстати погружаются в море забвения, после чего возвращается то состояние хронической неясности мышления, которое мы называем "нормальностью". Потрясающим контрастом этому является тот факт, что ничто не проходит бесследно и ничто не исправляется. Зло, вина, угрызения совести, мрачные предчувствия находятся перед нами, только мы их не видим. Все это совершил человек; я - человек и моя природа есть часть человеческой природы; стало быть, я виновен также, как и все остальные, и несу в себе неизменившиеся и неистребимые способность и склонность в любое время совершать греховные поступки. Даже если с юридической точки зрения мы не можем быть признаны правонарушителями, мы все равно, в силу нашей человеческой природы, всегда являемся потенциальными преступниками. Просто в реальной жизни нам не подворачивается возможность быть втянутыми в компанию дьявола. Никому из нас не дано вырваться из черной коллективной тени. Когда бы не произошло преступление - много веков тому назад или в наши дни, оно является симптомом всегда и повсюду присутствующего настроения - а потому человеку действительно следует обладать "представлениями о зле", поскольку только дурак может не обращать никакого внимания на свойства своей природы. Более того, его невежество - это самый верный способ превращения его в орудие зла. Безвредность и наивность не помогут, как не помогут они больному холерой и находящимся поблизости от него людям, если они ничего не будут знать о заразности этой болезни. Напротив, безвредность и наивность приведут к проекции неопознанного зла в "другого". Это наиболее эффективный способ укрепить позицию противника, потому что проекция переносит *страх*, который мы невольно и втайне испытываем по отношению к нашему собственному злу, на другую сторону и в значительной степени увеличивает исходящую оттуда угрозу. И что еще хуже отсутствие у нас инсайта лишает нас *способности общаться со злом*. Здесь мы, разумеется, сталкиваемся с одним из основных предрассудков христианской традиции и одним из самых больших камней преткновения для наших политиков. Нам говорят, что мы должны "отойти от зла" и, по возможности, даже не упоминать о нем. Ибо зло является также дурным знаком, которого следует бояться и о котором нельзя говорить. Это суеверное отношение ко злу и обхождение его стороной потворствуют имеющейся у нас примитивной склонности закрывать глаза на зло и надеяться на то, что какой-нибудь ветхозаветный "козел отпущения" унесет его на себе в пустыню.

Но если человек больше не может не понимать того, что зло, вне зависимости от воли человека, присуще самой человеческой природе, то с психологической точки зрения оно становится равным, хотя и противоположным, партнером добра. Это понимание прямо ведет к психологической дуальности, бессознательным прообразом которой является раскол мира по политическим мотивам. Еще более неосознанным является раздвоение современного человека. Дуальность не рождается из этого понимания; скорее всего, мы "расколоты" с самого начала. Мы не можем вынести самой мысли о том, что нам нужно взять на себя личную ответственность за такое количество зла. Поэтому мы предпочитаем приписывать зло отдельным преступникам или преступным группам, умывая руки невинностью и игнорируя общую расположенность ко злу. Как показывает опыт, зло живет в человеке, а потому это ханжеское отношение к нему долго не продержится, если, в соответствии с христианской догмой, человек не захочет сформулировать метафизический принцип зла. Великое преимущество этой догмы заключается в том, что она освобождает совесть человека от слишком большой ответственности и навязывает эту ответственность дьяволу, на основании правильного с психологической точки зрения понимания того факта, что человек, скорее, является жертвой своей психики, чем ее творцом. Принимая во внимание, что современное зло наводит самую густую тень на все, что вечно мучило человечество, необходимо задать себе вопрос: каким образом, при всем нашем прогрессе в развитии системы правосудия, в медицине и технологии, при всей

нашей заботе о здоровье и жизни, были созданы огромные машины истребления, которым ничего не стоит уничтожить человеческую расу.

Никто не станет утверждать, что физики-ядерщики являются бандой уголовников на том основании, что благодаря их усилиям мы имеем этот странный плод человеческой изобретательности - атомную бомбу.

Огромное количество умственного труда было потрачено на развитие ядерной физики людьми, которые отдали себя своей работе без остатка. Стало быть, высокие нравственные качества этих людей с тем же успехом могли подтолкнуть их на создание чего-то полезного и нужного человечеству. Но даже если первый шаг по пути к великому изобретению и может быть результатом осознанного решения, здесь, как и повсюду, спонтанная идея - интуиция - играет важную роль. Иными словами, бессознательное также принимает участие в процессе и зачастую вносит в него решающий вклад. Значит, результат - это не следствие исключительно осознанных усилий; на каком-то этапе бессознательное, с его трудно постижимыми целями и намерениями, тоже "вставило свои пять копеек". Если оно вкладывает оружие в вашу руку, значит оно нацелилось на какое-то насилие. Установление истины - главнейшая задача науки, и если в этой погоне за светом мы сталкиваемся с огромной опасностью, то складывается ощущение скорее предопределенности, чем предумышленности. Нельзя сказать, что современный человек способен на большее зло, чем первобытный человек или человек античных времен. Он просто обладает несравненно более эффективными средствами воплощения в жизнь своей склонности творить зло. Его сознание расширило свои горизонты и дифференцировалось, а вот нравственная природа с места не сдвинулась. Это и есть великая проблема современности. "Одного только разума уже не достаточно".

В теории, человеческий разум в силах удержаться от таких адских экспериментов, как деление ядра, исключительно по причине их опасности. Но страх зла, которое каждый человек никогда не замечает в себе, зато всегда видит в другом, каждый раз побеждает разум, хотя любому ясно, что применение этого оружия неизбежно означает конец человеческого мира в его нынешней форме. Страх перед всеобщим уничтожением может уберечь нас от наихудшего варианта, но его возможность будет, тем не менее, висеть над нами, подобно черному облаку, до тех пор, пока не будет переброшен мост через расколовшую весь мир психическую и политическую пропасть. И мост этот должен быть таким же конкретным, как и атомная бомба. Если бы только мировое сознание могло понять, что весь раскол является следствием разрыва между противоположностями в психе, то мы бы знали, откуда нам начинать. Но если даже самые незначительные и наиболее личные движения индивидуальной психе - сами по себе такие незаметные - останутся такими же неосознанными и неопознанными, какими они были доселе, то они будут продолжать накапливаться и образовывать массовые организации и массовые движения, которые нельзя будет поместить в разумные рамки и которыми нельзя будет манипулировать с благими намерениями. Все усилия в этом направлении есть ни что иное, как бой с тенью, причем больше всего во власти иллюзии находятся сами бойцы.

Суть дела кроется в дуальности самого человека, к которой у него нет ключа. Вместе с последними событиями мировой истории эта бездна разверзлась перед ним, после того, как человечество прожило несколько -веков в очень уютной уверенности, что единый Бог создал человека по своему образу и подобию, как маленькое единство. Даже в наше время люди по большей части не осознают того факта, что каждый индивид является клеточкой структуры различных внешних организмов и потому причинно впутан в их конфликты. Он знает, что, как индивидуальное существо, более или менее незначителен и ощущает себя жертвой не контролируемых им сил, но, с другой стороны, в нем самом живет опасная тень-противник, невидимый помощник политическому монстру в его грязных махинациях. Политическая организация в силу самой своей природы всегда видит зло в противостоящей ей группе, точно так же, как индивид отличается неистребимой

склонностью освобождаться от всего, чего он не знает и не хочет знать о себе самом, приписывая эти качества кому-то другому.

Ничто не оказывает такого сильного разъединяющего и отчуждающего воздействия на общество, как это нравственное благодушие и отсутствие ответственности, и ничто так не способствует пониманию и *rapprochement* (Возобновление дружественных отношений (фр.) - *Прим. ред.*), как взаимное устранение проекций. Эта необходимая корректировка требует самокритики, потому что никто не может сказать другому человеку, чтобы тот просто перестал проецировать. Человек не может понять лучше самого проецирующего то, чем на самом деле являются проекции этого человека. Мы можем разобраться в наших предубеждениях и иллюзиях только тогда, когда обречем более глубокие психологические знания о самих себе и других, и будем готовы поставить под сомнение абсолютную правильность наших утверждений и тщательно и честно сравнить их с объективными фактами. Как это ни смешно, но идея "самокритики" очень популярна в марксистских государствах. Но там она подчинена идеологическим соображениям и должна служить Государству, а не истине и справедливости в отношениях между людьми. Государство масс не имеет никакого желания пропагандировать взаимопонимание и тесные связи между людьми; наоборот, оно жаждет дробления, психической изоляции индивида. Чем сильнее разобщенность индивидов, тем сплоченнее Государство и наоборот.

Не может быть никакого сомнения в том, что и при демократии расстояние между людьми значительно больше того, которое требуется для благополучия общества, не говоря уже об удовлетворении наших психических потребностей. Да, делаются всевозможные попытки сгладить кричащие контрасты нашего общества, в ходе которых раздаются призывы к идеализму, энтузиазму, нравственности и совести; но что характерно - никто не говорит о необходимости самокритики, ни один человек не хочет ответить на вопрос: *Кто* требует идеализма? Не тот ли это, случайно, человек, который перескакивает через свою тень, чтобы с усердием погрузиться в осуществление какой-нибудь идеалистической программы, участие в которой является для него желанным оправданием? Насколько его респектабельность и нравственность являются лишь обманчивой оболочкой под которой скрывается совсем другой мрачный мир? Мы должны прежде всего убедиться в том, что говорящий об идеалах человек сам является идеальным, что его слова и дела *являются* чем-то большим, чем они *выглядят на первый взгляд*.

Быть идеальным невозможно, стало быть, это требование невыполнимо. Поскольку у нас, как правило, хороший нюх на эти вещи, то большинство идеалов, которым нам предлагается следовать, выглядят довольно неубедительно и становятся приемлемыми только тогда, когда открыто признается существование их противоположности. Без этого противовеса идеал превосходит наши человеческие возможности становится неправдоподобным из-за своей сухости и вырождается в обман, пусть даже и совершаемый с благими намерениями. Обман - это нечестный способ подчинить себе других людей и ни к чему хорошему привести не может.

С другой стороны, наличие тени ведет к скромности, которая нам нужна для признания своего несовершенства. И именно осознание несовершенства необходимо для установления отношений между людьми. Человеческие отношения строятся не на дифференциации и совершенстве, поскольку они только подчеркивают различия или приводят к прямо противоположному результату; нет, в их основе лежат несовершенство, слабость, беспомощность и потребность в поддержке, то есть те компоненты, из которых состоит основа зависимости. Совершенство ни в ком не нуждается, в отличие от слабости, которая ищет поддержки и не предлагает своему партнеру ничего такого, что могло бы поставить его в невыгодное положение или даже унижить. Но когда высокий идеализм играет слишком выдающуюся роль, то для такого унижения создаются все условия.

Рассуждения такого рода не следует воспринимать как проявление излишней сентиментальности. Вопрос отношений между людьми и внутренней сплоченности

нашего общества стоит весьма остро, принимая во внимание отчужденность затравленного человека толпы, личные отношения которого подорваны общим недоверием. Везде, где правосудие сомнительно, полиция лезет в частную жизнь и процветает террор, человеческие существа оказываются в изоляции, которая, разумеется, является целью диктаторского Государства, поскольку его основу составляет максимально большое скопление лишенных всякого потенциала "единиц общества". Для борьбы с этой опасностью свободному обществу нужны узы страсти, принцип типа *caritas* (Любовь, вытекающая из глубокого уважения, почитания (лат.) *Прим. ред.*), христианской любви к ближнему своему. Но как раз именно эта любовь к своему собрату более всего отличается отсутствием понимания, вызванного проекцией. Стало быть, для свободного общества жизненно важно задуматься над человеческими взаимоотношениями с психологической точки зрения, потому что именно в них таится истинная его сплоченность, а, значит и сила. Там, откуда уходит любовь, воцаряются грубая сила и террор.

Целью этих рассуждений является призыв не к идеализму, а к осознанию психологической ситуации. Я не знаю, какая из двух вещей слабее: идеализм или прозрение общественности. Я знаю только то, что для хоть сколько-нибудь жизнеспособных психических перемен требуется время. Медленное прозрение мне представляется более действенным, чем лихорадочный идеализм, которому вряд ли суждена долгая жизнь.

7. Смысл самопознания

То, что наш век считает "тенью" и худшей частью психе, содержит в себе нечто большее, чем обычный негатив. Уже сам факт того, что через самопознание, то есть изучение наших собственных душ, мы приходим к инстинктам и миру их образов, должен пролить определенный свет на дремлющие в психе силы, над существованием которых мы редко задумываемся до тех пор, пока все у нас идет хорошо. Они обладают чрезвычайно динамичным потенциалом, а то, приведет ли извержение этих сил и связанных с ними образов и идей к созиданию или к разрушению, полностью зависит от подготовленности и отношения осознающего разума. Похоже на то, что единственным, кто из своего опыта знает насколько слаба психическая подготовленность современного человека, является психолог, потому что только он считает своим долгом поиск в природе самого человека тех сил и идей, которые раз за разом будут помогать ему найти верный путь среди тьмы и опасности. Для этой тяжелой работы психологу требуется все его терпение; он не может полагаться ни на какие традиционные заповеди, предоставляя другому человеку выполнять всю работу и удовлетворяясь легкой ролью советчика и критика. Любому известна тщетность проповедования желаемого, но общая беспомощность в этой ситуации настолько велика, а потребность настолько насущна, что человек предпочитает совершать старую ошибку, вместо того, чтобы напрягать мозги над решением субъективной проблемы. Кроме того, это всегда вопрос лечения одного индивида, а не десяти тысяч, хотя в последнем случае результаты труда были бы внешне гораздо более впечатляющими, несмотря на то, что ничего не произойдет, пока не изменится индивид.

Изменения во всех индивидах, которые нам хотелось бы увидеть, могут отсутствовать еще в течение нескольких сотен лет, поскольку духовная трансформация человечества крайне медленно продвигается сквозь столетия и ее продвижение не может быть ускорено или остановлено посредством процесса рационального мышления, не говоря уже о том, чтобы довести его до конца при жизни одного поколения. Однако, в наших силах изменить индивидов, которые обладают от рождения или развили в себе способность воздействовать на других людей с похожим складом ума. Я не имею ввиду проповедование или убеждение - я думаю, скорее, о хорошо известном факте: тот, кто предвидит свои действия, а значит имеет доступ к бессознательному, невольно оказывает

воздействие на окружающих. Углубление и расширение его сознания создает эффект, который примитивные народы называют "мана". Имеется ввиду невольное воздействие на бессознательное других людей, некий вид бессознательного престижа, который существует только до тех пор, пока не вмешивается осознанное намерение.

Нельзя сказать, что самопознание совсем лишено шансов на успех, поскольку существует фактор, который, хотя на него и не обращают никакого внимания, отчасти соответствует нашим ожиданиям. Этим фактором является бессознательный *Zeitgeist* (Дух времени (нем.) - *Прим. ред.*). Он компенсирует позицию осознающего разума и предвосхищает грядущие перемены. Прекрасным его примером является современное искусство: несмотря на то, что оно вроде бы относится к сфере эстетики, на самом деле выполняет задачу психологического просвещения общественности путем разрушения ее прежних эстетических взглядов на то, что красиво по форме и глубоко по содержанию. "Красивость" художественного произведения заменяется холодными абстракциями самого субъективного характера, которые резко захлопывают дверь перед носом наивного и романтического восхищения объектом и обязательной любви к нему. Этот пример ясным и общедоступным языком говорит нам, что пророческий дух искусства на время повернулся от старой связи с объектом к темному хаосу субъективизма. Разумеется, искусство, насколько мы можем судить об этом, еще не нашло в этой тьме то, что могло бы удержать всех людей вместе и выразить их психическую целостность. Поскольку для этого явно требуются глубокие размышления, то это открытие наверно будет совершено в других областях человеческой деятельности.

Великое искусство всегда черпало свое вдохновение из мифа, из бессознательного процесса символизации, который продолжается веками и, как первичное проявление человеческого духа, будет и в будущем оставаться корнем всего творчества. Развитие современного искусства с его вроде бы нигилистическим стремлением к дезинтеграции должно быть воспринято как симптом и символ настроения всеобщего уничтожения и обновления, которое стало приметой нашего века. Это настроение ощущается во всех сферах: политической, общественной, философской. Мы живем во время, которое греки называли *καιρός*, "верное мгновение" - для "метаморфозы богов", фундаментальных принципов и символов. Эта особенность нашего времени, которое мы себе не выбирали, является выражением меняющегося бессознательного человека внутри нас. Грядущие поколения должны будут принять к сведению эту великую трансформацию, если человечество не собирается уничтожить себя с помощью своих технологий и науки.

Как в начале христианской эры, так и сегодня мы снова стоим перед проблемой общей нравственной отсталости, которая не поспевает за нашим научным, техническим и общественным прогрессом. Слишком много поставлено на карту и слишком много зависит от психологического состояния современного человека. Способен ли он устоять перед искушением использовать свою силу для того, чтобы раздуть мировой пожар? Понимает ли он, по какому пути идет, и какие выводы следует сделать из нынешней ситуации в мире и его собственной психологической ситуации? Знает ли он, что находится на грани утраты сохраняющего жизнь мифа о внутреннем человеке, который христианство сберегло для него? Понимает ли он, что его ждет, если эта катастрофа действительно произойдет? Способен ли он понять хотя бы то, что это действительно будет катастрофа? И, наконец, знает ли индивид, что он и есть та самая гиря, от которой зависит то, куда склонится чаша весов?

Счастье и удовлетворение, равновесие разума и смысл жизни - эти вещи может испытать только индивид, а не Государство, которое, с одной стороны, есть ни что иное, как соглашение, заключенное независимыми индивидами, а с другой стороны, постоянно угрожает парализовать и подавить индивида. Психиатр принадлежит к тем, кто больше всего знает об условиях благополучия души, от которого так сильно зависит благополучие общества. Социальные и политические обстоятельства времени несомненно имеют большое значение, но их роль в радостях и бедах индивида гигантски преувеличена,

поскольку они воспринимаются как единственные решающие факторы. В это смысле всем нашим общественным устремлениям присуща общая ошибка - не принимается во внимание психология личности, во имя которой и совершается общественный прогресс, а также имеет место пропаганда иллюзий самой личности.

Поэтому я надеюсь, что психиатру, который посвятил всю свою жизнь причинам и последствиям нарушений психики, будет позволено выразить свое скромное, как и положено индивиду, мнение по вопросам, порожденным современным положением в мире. Я не сторонник чрезмерного оптимизма и любви к высоким идеалам, просто меня заботит судьба индивидуального человеческого существа -бесконечно малого звена, от которого зависит существование всего мира, и в котором, если мы правильно поймем смысл христианства, даже Бог видит свою цель.

ОБЗОР ТЕОРИИ КОМПЛЕКСОВ

Современная психология имеет нечто общее с современной физикой, а именно, ее метод гораздо больше признается интеллектом, нежели сам предмет. Этот предмет, психе, настолько разнообразен в своих проявлениях, настолько неопределен и волен, что даваемые ему определения трудно, если вообще возможно, интерпретировать, в то время как определения, основанные на способе наблюдения и вытекающем из этого методе, вполне - по крайней мере, с необходимостью - представляются известным количеством. Психологическое исследование основывается на этих эмпирически или произвольно определенных факторах и рассматривает психе в рамках их изменений. Таким образом, психе воспринимается как *нарушение* возможной схемы поведения, установленной тем или иным методом. Эта процедура *cum grano salis* (С известной долей иронии. - Прим.перев.) характерна для естественных наук в целом.

Является очевидным, что при таких обстоятельствах почти все зависит от метода и его исходных положений, и что они в значительной степени определяют результат. Действительный объект исследований, конечно, играет определенную роль в этом вопросе, но он не может вести себя как самостоятельное существо, непо потревоженное и находящееся в своих естественных условиях. Таким образом, в экспериментальной психологии, и особенно в психопатологии, давно уже признано, что каждая конкретная экспериментальная процедура не принимает психический процесс непосредственно, но определенное психическое состояние интерполирует себя между этим процессом и экспериментом, каковой можно назвать экспериментальной ситуацией". Эта психическая "ситуация" иногда может подвергнуть опасности весь эксперимент, *ассимилируя* не только процесс эксперимента, но и лежащие в его основе цели. Под "ассимиляцией" мы понимаем отношение субъекта, который неверно интерпретирует эксперимент, потому что изначально имеет непреодолимую тенденцию принимать его за интеллектуальный тест, так сказать, или нескромную попытку заглянуть за кулисы. Такое отношение маскирует процесс, который экспериментатор силится рассмотреть.

Опыт подобного рода является вполне обычным для ассоциативных тестов, в ходе которых выяснилось, что несмотря на направленность теста на определение средней скорости реакции и ее качества, этот результат получился относительно побочным по сравнению с тем, в какой степени метод был *нарушен* автономным поведением психе, то есть ассимиляцией. Именно так я открыл чувственно-окрашенные комплексы, которые ранее воспринимались как *несостоятельность реакции*.

Открытие комплексов и феномена ассимиляции, вызываемого ими, достаточно ясно показало, несостоятельность старой точки зрения - отсылающей к Кондиллаку - которая допускала изучение *изолированных* психических процессов. Не существует изолированных психических процессов, как не существует изолированных жизненных процессов; во всяком случае, ничего не удалось достичь их экспериментальным изолированием (Исключением из этого правила являются процессы роста тканей, жизнь которых поддерживается в питательной среде. - КТ.Юнг.) . Только лишь с помощью специальной тренировки внимания и сосредоточения субъект может изолировать процесс таким образом, что он станет отвечать требованиям эксперимента. Но это уже другая "экспериментальная ситуация", отличающаяся от ранее описанной тем, что теперь влияние ассимилирующего комплекса преодолено сознательным мышлением, в то время как раньше это осуществлялось более или менее бессознательными низшими комплексами.

Все это совершенно не означает, что ценность эксперимента подвергается сомнению в каком-либо фундаментальном смысле, а только лишь критикуется его ограниченность. В царстве психофизиологических процессов - например, сенсорного восприятия или двигательных реакций, когда цель эксперимента явно безобидна - преобладают чисто рефлекторные механизмы, а если и есть ассимиляции, то число их незначительно, и явных

нарушений эксперимента не наблюдается. В сфере же более сложных психологических процессов дело обстоит иначе, в этом случае психологическая процедура не исключает некоторые определенные возможности. Здесь, где исчезают все препоны, расставляемые специфическими целями, появляются неограниченные возможности, с самого начала создающие психологические ситуации, называемые "конstellацией" (Буквально - "созвездие". - *Прим.перев.*). Этот термин просто описывает тот факт, что внешние обстоятельства высвобождают психический процесс, в ходе которого определенное содержание накапливается и дает толчок действию. Когда мы говорим, что личность "конstellирована", мы имеем ввиду, что она заняла позицию, исходя из которой, как следует ожидать, она будет реагировать определенным образом. Но конstellация является автоматическим процессом, который происходит невольно, и который невозможно остановить по собственному желанию. Конstellированные содержания представляют собой определенные комплексы, обладающие своей собственной специфической энергией. Если рассматриваемый эксперимент является ассоциативным тестом, комплексы будут воздействовать на него, в значительной степени вызывая нарушения реакции, или - что реже - скрываясь за определенным типом реакций, который, тем не менее, можно распознать исходя из того, что он больше не соответствует смыслу тестового слова. Образованные субъекты с сильной волей могут посредством вербально-моторных способов замаскировать значимость тестового слова коротким временем реакции, так что слово вообще не достигает их. Но это срабатывает только в том случае, когда действительно важные личные тайны подлежат защите. Искусство Талейрана использовать слова для сокрытия мысли дано немногим. Недалекие люди, в особенности если это женщины, защищают себя посредством *ценностных утверждений*. Это часто создает весьма комический эффект. Ценностные утверждения являются атрибутами чувств, такими, как *красивый, хороший, дорогой, милый, дружелюбный*, и т.д. В ходе беседы можно заметить, как некоторые люди находят все *интересным, очаровательным, хорошим, восхитительным*, или - если они англичане - *изящным, изумительным, великолепным, блестящим* и (особенно часто) *обворожительным*, и все это служит для сокрытия полного отсутствия у них интереса или для удержания объекта на расстоянии. Но подавляющее большинство субъектов не может предотвратить ущемления комплексов на определенных тестовых словах, и раскрашивает их различными симптомами беспокойства, главным из которых является задержка реакции. Можно также комбинировать эти эксперименты электрическими измерениями сопротивления, которыми пользовался *Ферагут (Das psycho-galvanische Reflexphanomen)*, когда так называемый феномен психо-гальванического рефлекса дает еще одну возможность зафиксировать нарушение реакции по вине комплекса.

Ассоциативный тест представляет в этом смысле наибольший интерес, поскольку он, как никакой другой сравнительно простой психологический эксперимент, воспроизводит психическую ситуацию *диалога*, и в то же время делает возможным точные количественные и качественные оценки. Вместо вопросов в виде определенных предложений, субъект сталкивается с туманными, двусмысленными, и, следовательно, приводящими в замешательство тестовыми словами, и вместо ответа он должен отреагировать *одним* словом. Посредством точных наблюдений за нарушениями реакций, вскрываются и отмечаются факты, которые часто пропускаются в обычной беседе, и это дает нам возможность открыть то, что указывает на невысказанную основу, на те состояния готовности или конstellации, о которых я упоминал ранее. То, что происходит во время ассоциативного теста, происходит всегда во время диалога. В обоих случаях мы имеем дело с психологической ситуацией, которая конstellирует комплексы, ассимилирующие предмет разговора или ситуацию в целом, включая участвующие стороны. Беседа теряет свой объективный характер и свою реальную цель, поскольку конstellлирующие комплексы ломают намерения говорящих, и могут даже вложить в их уста ответы, которые они впоследствии не помнят. Этот факт используется на практике во

время перекрестного допроса свидетелей. Его эквивалентом в психологии является так называемый эксперимент повтора, который обнаруживает и локализует провалы в памяти. Скажем, после сотни реакций-ответов, субъекта спрашивают, какие именно ответы он давал на отдельные тестовые слова. Провалы или фальсификации памяти проявляются с умеренной регулярностью во всех сферах ассоциаций, нарушенных комплексами.

Итак, я намеренно избегал обсуждения природы комплексов, основываясь на предположении, что их природа в общем известна. Слово "комплекс" в его психологическом смысле проникло в обиходную речь как в немецком, так и в английском языках. Сейчас всем известно, что люди "обладают комплексами". Не так хорошо известен, хотя намного более важен с точки зрения теории тот факт, что комплексы могут *обладать нами*. Существование комплексов бросает тень серьезного сомнения на наивное предположение о единстве сознания, которое отождествляется с "психе", и на верховенство воли. Всякая констелляция комплексов постулирует нарушение сознания. Единство сознания подорвано и волевая направленность затруднена или вообще невозможна. Даже память, как мы видели, часто подвергается его заметному воздействию. Комплекс, следовательно, является психическим фактором, в энергетическом смысле обладающим весомостью, которая часто превосходит по величине сознательные намерения, иначе подобные нарушения в организации сознания были бы невозможны. Фактически, активный комплекс тут же загоняет нас в состояние принуждения, состояние компульсивного мышления и действия, для которого при соответствующих обстоятельствах единственным подходящим определением может стать юридическая концепция ослабленной ответственности.

Чем же, наконец, является с научной точки зрения "чувственно-окрашенный" комплекс? Это *образ* определенной психической ситуации, которая сильно эмоционально акцентуирована, и к тому же несовместима с привычной позицией сознания. Этот образ имеет мощное внутреннее соответствие, и присущую только ему целостность, и, вдобавок, относительно высокий уровень автономности, а значит подлежит только ограниченному контролю сознательной мысли, и ведет себя как одушевленное чужеродное тело в сфере сознания. Комплекс обычно подавляется усилием воли, но его существование не подвергается серьезной опасности, и при первой же возможности проявляется с прежней силой. Определенные экспериментальные исследования показывают, что кривая его активности или интенсивности имеет волнообразный характер, с "длиной волны" в несколько часов, дней, или недель. Этот очень сложный вопрос еще толком не прояснен.

Мы должны выразить благодарность французским психиатрам, в частности Пьеру Жане, за наше сегодняшнее знание состояния экстремальной *разорванности* сознания. Жане и Мортон Принс достигли успеха в представлении расколов личности на три или четыре части, и выяснилось, что каждый ее фрагмент имеет свой специфический характер и собственную независимую память. Эти фрагменты сосуществуют относительно независимо друг от друга, и могут взаимозамещаться в любой момент времени, что означает высокую степень автономности каждого фрагмента. Мои изыскания в области комплексов подтверждают эту довольно неутешительную картину возможностей психической дезинтеграции, потому что не существует фундаментальных отличий между фрагментом личности и комплексом. Они имеют все общие специфические черты, вплоть до того момента, когда мы переходим к деликатному вопросу фрагментарного сознания. Фрагменты личности, без сомнения, обладают своим собственным сознанием, но пока без ответа остается вопрос, обладают ли такие небольшие фрагменты психики, как комплексы, собственным сознанием. Должен признать, что этот вопрос часто занимает мои мысли, поскольку комплексы ведут себя подобно Декартовым чертям, и, похоже, получают удовольствие от своих проделок. Они подсовывают не то слово в чей-то рот, они заставляют забыть имя человека, которого как раз кому-то надо представить, они вызывают зуд в горле как раз в момент самого тихого фортепьянного пассажа во время концерта, они заставляют позднего визитера, крадущегося на цыпочках, перевернуть с

грохотом стул. Они заставляют нас поздравлять с чем-то людей на похоронах, вместо того, чтобы выразить соболезнование, они подстрекают нас на все то, что Ф.Т.Фишер приписывает "непослушному объекту" (См. *Auch Einer.*). Они являются действующими лицами наших снов, с которыми мы так самоотверженно сражаемся; они - эльфы, так ярко описанные в датском фольклоре в истории о пасторе, который пытался обучить двух из них молитве. Они прилагали страшные усилия, чтобы вслед за ним повторять слово в слово, но после каждого предложения они не забывали добавить: "Наш отец, который не на небесах". Как можно догадаться, с теоретической точки зрения комплексы необучаемы.

Я надеюсь, что принимая это с известной долей иронии, никто не станет сильно возражать против этой метафорической парафразы научной проблемы. Но даже самая трезвая оценка феноменологии комплексов не может обойти поразительный факт их автономии, и чем глубже проникаешь в их природу, - я бы даже сказал, в их биологию, - тем больше они раскрывают себя как осколочные *психе*. Психология снов вполне ясно нам показывает, как комплексы проявляются в персонифицированном виде, когда отсутствует сдерживающее сознание, подавляющее их, в точности напоминая фольклорных домовых, которые ночной порой шкодят в доме. Мы наблюдаем аналогичный феномен при некоторых психозах, когда комплексы становятся "слышны" и проявляют себя как "голоса", имеющие сугубо личностный характер.

Сегодня мы почти с уверенностью принимаем тот факт, что комплексы на самом деле являются осколочными *психе*. Этимологией их происхождения зачастую является так называемая травма, эмоциональный шок или нечто подобное, что откалывает небольшой кусочек психе. Естественно, одной из наиболее распространенных причин служит моральный конфликт, целиком возникающий из относительной невозможности полного самоутверждения сущности субъекта. Такая невозможность предполагает непосредственный раскол, независимо от того, известно ли об этом сознанию, или нет. Как правило, любой комплекс играет заметную роль в бессознательном, что, естественно, в той или иной степени гарантирует ему свободу действий. В подобных случаях его могущество в процессе ассимиляции становится особенно заметным, поскольку бессознательное помогает комплексам ассимилировать даже эго, в результате чего возникает мгновенное изменение личности, известное как идентификация с комплексом. В Средневековье это имело другое название: одержимость. Вероятно, никто не сочтет такое состояние безвредным, но, фактически, не существует принципиальной разницы между оговоркой, вызванной комплексом, и страшнейшим богохульством: разница заключается лишь в степени проявления. История языка дает нам бесчисленное множество примеров. Когда кто-нибудь испытывает сильный эмоциональный кризис, мы говорим: "Какой черт вселился в него сегодня?" "В него вселился дьявол", "в нее вселилась ведьма" и т.д. Используя эти довольно затертые метафоры, мы практически не задумываемся над их подлинным значением, хотя оно лежит на поверхности и отчетливо указывает на тот факт, что наивные или более примитивные люди не "психологизируют" вызывающие нарушения комплексы подобно нам, а рассматривают их как вполне самостоятельные существа, или как демонов. Затем уровни развития сознания создали настолько интенсивные эго-комплексы и эго-сознания, что комплексы лишились своей первоначальной автономии, как минимум в обыденной речи. Как правило, индивид говорит: "У меня есть комплекс," или же предостерегающий голос доктора увещевает пациента-истерика: "Ваша боль не существует в действительности, вы просто вообразили, что она вам досаждаёт". Страх заражения, несомненно, является вольной фантазией пациента, и всяк старается убедить его, что он сам является автором галлюцинирующей идеи.

Нетрудно заметить, что, как правило, современная концепция проблемы решает ее исходя из факта, будто бы комплекс создан, или "придуман" пациентом, и что он не существовал бы вовсе, если бы пациент не приложил усилия к его претворению в жизнь. В противовес этому, в последнее время было доказано, что комплексы обладают

значительной степенью автономности, и что органически недиагностируемые, и, так сказать, "воображаемые" боли так же сильны, как и настоящие, и что страх заболевания не имеет ни малейшей склонности к исчезновению, даже если сам пациент, его доктор, и повседневная речь объединятся, утверждая, что это не более, чем "воображение".

Здесь мы имеем интересный пример "апотропного" (Отвращающего беду. "Прим. ред.) мышления, которое полностью соответствует эвфемистическим именам, даваемым древними, классический пример чему являет $\rho\upsilon\tau\omicron\zeta\epsilon\upsilon\ \xi\epsilon\iota\nu\omicron\zeta$, "гостеприимное море". Точно так же, как Эринии ("Фурии") назывались, весьма предусмотрительно и угодливо, Эвменидами ("Благосклонными"), так и современный разум воспринимает все внутренние нарушения как свою собственную активность: он просто ассимилирует их. Это не делается, конечно, с открытым признанием апотропного эвфемизма, но с не менее бессознательной тенденцией сделать автономность комплекса *нереальной*, давая ей другое имя. Сознание ведет себя подобно человеку, услышавшему подозрительный шум на чердаке, и бегущему в подвал с целью убедить себя, что там нет грабителя, и шум был просто плодом его воображения. Фактически же ему не хватило духу подняться на чердак.

Не очевиден факт, что страх послужил мотивом, заставившим сознание объяснять комплексы как собственную активность. Комплексы кажутся настолько тривиальными, такими глупыми "ничтожествами", что мы явно стыдимся их, и делаем все возможное, чтобы их скрыть. Но если бы они на самом деле были столь "ничтожны", они не были бы столь болезненны. Болезненные, значит, причиняющие боль - нечто чрезвычайно неприятное, а, следовательно, весьма важное и заслуживающее серьезного отношения. Но мы всегда готовы сделать что-либо неприятное *нереальным* - насколько это возможно. Невротическая вспышка сигнализирует о том моменте, когда это уже невозможно осуществить примитивными магическими средствами апотропных жестов и эвфемизмов. С этого момента комплекс утверждается на поверхности сознания; его уже нельзя обходить, и он продолжает шаг за шагом ассимилировать эго-сознание, в точности как раньше эго-сознание пыталось ассимилировать его. Это в конечном счете приводит к невротической диссоциации личности.

Такое развитие раскрывает комплекс в его изначальной мощи, которая, как я уже говорил, иногда превосходит даже силу эго-комплекса. Только потом человек в состоянии понять, что у эго был прямой смысл упражняться на комплексах в магии имен, потому что вполне очевиден факт, что то, чего я боюсь, весьма злобно и грозит поглотить меня. Существует большое количество людей, причисляемых к нормальным, со "скелетом в шкафу", о существовании которого нельзя упомянуть, чтобы не причинить им смертельную боль, так велик их страх перед сокровенным призраком. Все те люди, находящиеся на стадии делания своих комплексов нереальными, всякое упоминание невроза воспринимают как применимое к явно патологическим личностям, к категории которых они, конечно, не относятся. Как будто привилегия быть больными принадлежит только больным!

Тенденция делать комплексы нереальными путем ассимиляции не доказывает их пустячность, но напротив, говорит об их важности. Это негативное признание инстинктивного страха, который первобытный человек испытывает к предмету, движущемуся в темноте. Что касается примитивного человека, этот страх фактически появляется с приходом темноты, точно так же, как в нашем случае комплексы приглушены в дневное время, а ночью поднимают головы, прогоняя сон, или заполняя его кошмарами. Комплексы являются объектами внутреннего опыта, которые не встретишь на улице или в людных местах. Благодаря им и счастье, и горе личной жизни становятся глубже; они *лары* и *пенаты*, ожидающие нас у камелька, чье миролюбие опасно превозносить; они - "маленький народ", проделки которого тревожат нас ночью. Естественно, когда несчастье случается с нашими соседями, оно ничего не значит; но когда оно угрожает нам - тут уже необходим врач, чтобы оценить, какой же страшной угрозой может стать комплекс. Только когда вы повидали целые семьи, разрушенные

комплексами морально и физически, и к какой беспримерной трагедии и безысходному горю могут они привести, вы сможете почувствовать всю силу реальности комплексов. Тогда вы поймете, насколько безответственно и не научно мнение, будто личность может "вообразить" комплекс. Подбирая медицинское сравнение, лучше всего вспомнить об инфекционных заболеваниях или злокачественных опухолях, которые также развиваются без малейшего участия сознательной мысли. Это сравнение все же не полностью адекватно, потому что комплексы не вполне патологичны по своей природе, но являются характерными выражениями *психе*, безотносительно того, дифференцирована ли психе, или же примитивна. Следовательно, мы безошибочно находим их следы у всех народов и во все эпохи. Старейшие письменные памятники свидетельствуют об этом; эпос о Гильгамеше мастерски описывает психологию комплекса силы, а Книга Товит в Ветхом Завете предлагает нам историю эротического комплекса вместе со способом его лечения.

Универсальная вера в духов является прямым выражением комплексной структуры бессознательного. Комплексы поистине являются живыми единицами бессознательной психе, и только основываясь на них, мы можем делать выводы о ее существовании и конституции. Бессознательное могло бы стать - согласно психологии Вундта - не более, чем рудиментом туманных или "скрытых" представлений, или "рудиментом сознания", как это называет Уильям Джеймс, если бы не помешал факт существования комплексов. Именно по этой причине Фрейд стал первооткрывателем бессознательного, - ведь он не просто опускал темные места в психологии, а исследовал их, простите за пренебрежительный эвфемизм, как "не оправданные с практической точки зрения". *Via regia* (Прямая дорога. -- *Прим.перев.*) бессознательному, все же не сновидения, как принято считать, а комплексы, которые являются архитекторами снов и различных симптомов. Тем не менее, эта *дорога* не столь "пряма", поскольку путь, указанный комплексом, больше похож на заросшую и очень извилистую тропу, часто теряющуюся в подлеске и ведущую не столько в сердце бессознательного, сколько за его пределы.

Боязнь комплексов является плохим указателем, поскольку, все же, указывает не на бессознательное, а опять-таки на сознание. Комплексы настолько неприятны, что никто по собственной воле не согласится с тем, что поддерживающие их силы способны на что-либо положительное. Сознание неизменно уверено в том, что комплексы представляют собой нечто непристойное, и, таким образом, от них следует тем или иным способом избавиться. Несмотря на неопровержимые доказательства того, что все типы комплексов существовали всегда и повсюду, люди не могут заставить себя рассматривать их как естественный феномен жизни. Боязнь комплексов есть укоренившееся предубеждение, благодаря суеверному ужасу перед всем, что неблагоприятно и неподвластно нашему пресловутому просветлению. Этот страх является причиной сильнейшего сопротивления в период изучения комплексов, и необходима неординарная решительность для того, чтобы преодолеть его.

Страх и сопротивление являются указателями на *прямом пути* к бессознательному, и совершенно очевидно, что то, на что они изначально указывают, является предвзятым мнением об этом самом предмете. Абсолютно естественно, что из-за чувства страха человек должен сделать заключение о кроющейся тут опасности, и, на основании желания сопротивляться, предположить здесь нечто отталкивающее. Пациенты поступают именно так. Так же поступает и широкая публика, и в конце концов, аналитик поступает точно таким же образом, чем и объясняется тот факт, что первой медицинской теорией бессознательного стала теория подавления, разработанная Фрейдом. Выводя сознание *a posteriori* (На основе опыта. — *Прим.перев.*) из природы комплексов, такой взгляд естественным образом рассматривает бессознательное как нечто составленное исключительно из несовместимых тенденций, подавленных по причине их аморальности. Ничто не может служить более убедительным доказательством того, что обладатель такого взгляда следовал чисто эмпирическим путем, и ни в малейшей степени не был подвержен влиянию философских рассуждений. Разговоры о бессознательном начались

задолго до Фрейда. В философии впервые эту идею представил Лейбниц; Кант и Шеллинг также высказывали свое мнение по этому поводу, а Карус развил целую систему, на основе которой фон Гартманн построил зловещую *Философию Бессознательного*. Первая же медико-психологическая теория бессознательного имела столь же мало общего со своими предшественницами, как и с Ницше.

Теория Фрейда являет искреннее выражение опыта, накопленного им в период изучения комплексов. Но поскольку подобное исследование всегда является диалогом, при построении теории следует рассмотреть не только комплексы одной из сторон, но также и другой. Всякий диалог, приводящий на территорию, ограждаемую страхом и сопротивлением, угрожает чему-то жизненно важному и заставляет одну из сторон интегрировать свою целостность, другая сторона вынуждена занимать более широкую позицию. Она так же направляется к большей цельности, потому что иначе не сможет проталкивать диалог все глубже и глубже в охваченные страхом территории. Никакой исследователь, каким бы непредвзятым и объективным он ни был, все-таки не может позволить себе не учитывать собственные комплексы, поскольку те обладают не меньшей автономией, чем комплексы всех остальных людей. Фактически, он *не может* игнорировать их, потому что они не игнорируют *его*. Комплексы являются неотъемлемой частью психической конституции, каковая есть наиболее предвзятая вещь в каждом индивиде. Эта конституция, таким образом, безапелляционно решает, *какого* же психологического взгляда станет придерживаться данный наблюдатель. В этом и заключается неизбежная ограниченность психологического наблюдения: его ценность пропорциональна личным качествам наблюдателя.

Следовательно, психологическая теория прежде всего формулирует психологическую ситуацию, которая возникла посредством диалога между неким частным наблюдателем и некоторым числом наблюдаемых личностей. Поскольку диалог ведется, в основном, в сфере сопротивления, вызванного комплексами, характер этих комплексов с необходимостью оказывается связанным с теорией, и это приводит к тому, что она становится в прямом смысле слова оскорбительной, так как основана на публичных комплексах. Вот почему все современные психологические концепции не только противоречивы в смысле объективности, но и провокационны. Они заставляют публику весьма сильно высказываться против, или же за нее, а в научных дискуссиях это приводит к эмоциональным спорам, вспышкам догматизма, личным оскорблениям, и так далее.

Из всего этого нетрудно заключить, что современная психология своими исследованиями комплексов вскрыла табуированную область психики, опутанную страхами и надеждами. Комплексы представляют собой реальный центр психического беспокойства, и его влияние простирается настолько далеко, что у исследователей-психологов в данный момент нет надежды продолжать свою работу спокойно, поскольку это предполагает некоторую согласованность научных мнений. Но психология комплексов в настоящее время очень далека от подобного согласия, и я бы даже сказал, дальше, чем это представляют себе пессимисты. Поэтому что с открытием несовместимых тенденций рассматривается только *один* сектор бессознательного, и открывается только *один* источник страха.

Без сомнения, хорошо запомнится повсеместно разыгравшийся шторм негодования, когда были обнародованы работы Фрейда. Эта мощная реакция публичных комплексов привела Фрейда к изоляции, что дало догматический заряд ему и его школе. Все психологи-теоретики, работающие в этой области, подвергаются такому же риску, потому что играют с тем, что напрямую связано с неподдающимися контролю силами в человеке - *numinosum*, как весьма удачно выразился Рудольф Отто. Где начинается царство комплексов, там заканчивается свобода эго, потому что комплексы являются психическими агентами, чья глубинная природа пока остается неразгаданной. Всякий раз, когда исследователь добивается успеха в продвижении вперед к психическому *tremendum* (Внушающее трепет (лат.) - *Прим.перев.*) возникает публичная реакция, точно

как это происходит с пациентами, когда их в терапевтических целях вынуждают бороться с неприкосновенностью комплексов.

Для непосвященного мое представление теории комплексов, вероятно, звучит как описание примитивной демонологии или психологии табу. Этот специфический оттенок возник благодаря тому факту, что существование комплексов, отколовшихся психических фрагментов, является весьма ощутимым остаточным явлением первобытного состояния мышления. Примитивный разум отмечен высокой степенью диссоциативности, выражающей себя, например, в том, что примитивные люди убеждены в наличии у них нескольких душ - в определенном случае даже шести - не считая огромного количества богов и духов, которые не просто являются предметами рассуждений, как в нашем случае, а зачастую весьма впечатляющим психическим опытом.

Я бы хотел использовать возможность отметить, что я употребляю термин "примитивный" в смысле "первичный", и что я не присваиваю ему никакой качественной оценки. Также, когда я говорю об "остаточных явлениях" примитивного состояния, я совершенно не имею в виду, что оно [это состояние] должно когда-либо закончиться. Напротив, я не вижу причины, по которой его существование не могло бы длиться весь период существования человечества. К тому же, в любом случае, оно не претерпело особых изменений, а с Мировой войной и ее последствиями даже возникло значительное усиление его проявлений. По этой причине я склоняюсь к мнению, что автономные комплексы есть нормальные явления жизни, и они составляют структуру бессознательной психе.

Как вы видите, я уделил основное внимание описанию лишь особенностей теории комплексов. Тем не менее, я должен предостеречь вас от завершения этой неполной картины, подчеркнув сложности, возникающие из факта существования автономных комплексов. Вам придется столкнуться с тремя важными аспектами проблемы: терапевтическим, философским и моральным. Все три ожидают своей очереди.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

